

ковъ съѣзда высказались противъ предложенія, — оно было поддержано только тремя ораторами, — 6 членовъ совѣтъ не подавали голоса. Въ дебатахъ по этому поводу, сеппуку или хара-кири было названо «священнымъ храмомъ японской національной души, воплощеніемъ на практикѣ преклоненія великому принципу, «великимъ украшеніемъ имперіи», «столпомъ конституціи», «драгоценнымъ» институтомъ, оберегающимъ честь благородныхъ и поддерживающимъ самоуваженіе въ правительственномъ кругѣ, столпомъ религіи и побужденіемъ добродѣтели». Всѣ дебаты по этому вопросу доказываютъ всю величайшую привязанность, съ которой японцы относились къ этой традиціи бывшаго славнаго рыцарства. Достоинъ замѣчанія и то, что тотъ, кто сдѣлалъ такой безумный, по мнѣнію японцевъ, проэктъ былъ заподозрѣнъ къ преклоненіи передъ западной цивилизаціей и за свое смѣлое предложеніе былъ убитъ вскорѣ послѣ окончанія преній по этому предмету.

XIII.

«Мечъ, — эмблема могущества и храбрости, — есть душа самурая», говоритъ народная поговорка. Когда Магометъ объявилъ, что «мечъ есть ключъ неба и ада», то это было только отголоскомъ того, что чувствовали, признавали и говорили японцы. Вообще народъ имѣлъ основаніе бояться меча, но дѣти самураевъ съ раннихъ лѣтъ учились владѣть имъ. Это былъ священный моментъ для самурая, когда онъ, 5-ти лѣтъ отъ роду, одѣтый въ специальный костюмъ буси, стоя на шахматной доскѣ, посвящался въ права воинской профессіи врученіемъ ему за поясъ настоящаго меча вмѣсто игрушечнаго, какой онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи до сего времени. Послѣ этой первой церемоніи *adoptio per arma* онъ уже не показывался за ворота отцовскаго дома безъ знака своего положенія, хотя и носилъ въ повседневной жизни позолоченный деревянный кинжалъ. Немного лѣтъ спустя онъ носить уже дѣйствительный, настоящій, стальной мечъ, хотя еще тупой и тогда поддѣльное оружіе бросается, а онъ съ удовольствіемъ болѣе острымъ, чѣмъ пріобрѣтенное имъ новое оружіе, выходитъ на дорогу пробовать остроту лезвія его на деревьяхъ и камняхъ. Когда онъ достигаетъ 15-ти лѣтняго возраста и получаетъ свободу и независимость дѣйствій, онъ гордится испытанной остротой своего оружія болѣе всего на свѣтѣ. Обладаніе опаснымъ оружіемъ, которое высоко стоитъ въ глазахъ всѣхъ его соотечественниковъ, внушаетъ ему чувства самоуваженія и отвѣтственности. Съ двумя мечами, — длиннымъ и короткимъ, почтительно называемыми *данто* и *сіото*, или *катана* и *вакизаси*, онъ не расстаётся никогда. Когда онъ дома, мечи

украшаютъ самыя видныя мѣста въ кабинетѣ или гостиной, ночью же они кладутся около подушки на такомъ разстояніи, что ихъ легко достать рукой во всякую минуту. Неизмѣнные спутники его, они горячо любимы и самыя нѣжныя эпитеты, подсказываемыя любовью, даются имъ. Стоя такъ высоко въ глазахъ у всѣхъ, они дѣлаются иногда предметами поклоненія. Многіе храмы и многіе дома въ Японіи украшены мечами, какъ предметами поклоненія. Даже къ самому обыкновенному кинжалу относятся съ должнымъ уваженіемъ. Оскорбленіе чьего-либо меча равносильно личной обидѣ. Горе тому, кто небрежно наступитъ на мечъ, лежащій на полу. Естественно, что такой драгоценный предметъ сдѣлался вещью, въ которой артисты стали проявлять свое искусство, а собственники — тщеславіе, особенно во время мира, когда онъ въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ посохъ епископа, или скипетръ короля. Не настоящая кожа, а самый лучшій шелкъ для ефеса, золото или серебро у чашки его, лакированныя въ разные цвѣта ножны дѣлали этотъ предметъ смерти только на половину ужаснымъ.

Мастеръ, занимающійся ковкой мечей, былъ не простой артистъ, но артистъ идейный, подвижникъ духа, а его мастерская была святилищемъ. Ежедневно онъ начиналъ свое дѣло молитвой, или обрядомъ очищенія и сложилась фраза: «онъ вкладывалъ свою душу, чувства и идею въ кованіе и закаливаніе стали». Каждый взмахъ молотомъ, каждое погруженіе въ воду металла, каждый поворотъ на точильномъ камнѣ, — все это были священные акты религіознаго характера не послѣдней важности. И возникаетъ вопросъ, было ли обаяніе, съ какимъ относились къ мечамъ, слѣдствіемъ искусства мастера, или же слѣдствіемъ дѣйствія вѣками сложившагося религіознаго благговѣнія къ нимъ? Какъ предметы искусства они превосходили своихъ дамасскихъ и толедскихъ соперниковъ, но кромѣ того было въ нихъ еще нѣчто такое, что не составляетъ удѣла искусства. Ихъ холодное лезвіе, собирающее моментально на своей поверхности дыханіе, чистая, какъ хрусталь, поверхность лезвія, цвѣта, отливающего синеватымъ оттѣнкомъ, безподобное остріе и изгибъ клинка, соединяющій исключительную грацію съ удивительной силой оружія, — все это приводитъ васъ въ содроганіе, наподняетъ нашу душу чувствами красоты и силы, благоговѣнія и ужаса. Онъ былъ безвреднымъ, когда оставался украшеніемъ и предметовъ наслажденія. Но когда одинъ изъ нихъ попадалъ въ руки, то являлось не малое искушеніе пустить его въ дѣло. Въ такомъ случаѣ часто смертельное лезвіе блестяло изъ мирныхъ ноженъ и желаніе пустить его въ дѣло заходило такъ далеко, что часто бывало пробовали остріе стали на шеяхъ невинныхъ созданій.

Но другой вопрос, оправдывало ли Бусидо беспорядочное употребленіе оружія? Отвѣтъ отрицательный, — нѣтъ. Сколько чести воздавалось человеку, пользовавшемуся мечемъ лишь при необходимости, столько же безчестія падало на голову человека, обижавшаго имъ въ неподходящихъ случаяхъ. Человекъ, умѣющій владѣть собой, знаетъ надлежащее время для употребленія меча, а такое время приходитъ не часто. Покойный графъ Кацу, жившій въ одинъ изъ самыхъ беспокойныхъ моментовъ японской истеріи, когда убійства, самоубійства и тому подобныя происшествія были въ порядкѣ вещей, не смотря на то что онъ пользовался почти диктаторскими правами, ни разу не обогривъ своего меча кровью. Рассказывая о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ своей жизни одному изъ своихъ друзей, онъ говорилъ тонкимъ, только ему свойственнымъ образомъ: «я очень не люблю убивать людей и до сихъ поръ не убилъ ни одного человека. Я освобождалъ тѣхъ, чьи головы должны были быть отсѣчены. Одинъ другъ сказалъ мнѣ однажды, — вы не достаточно убиваете, вы скоро должны будете пытаться одними бамбуковыми ростками и яичными растениями. Отлично, но вѣдь масса людей не лучше. То, что я остался живъ, быть можетъ, происходитъ отъ того, что я не люблю крови. Я рѣшилъ, что хотя-бы другіе ранили меня, но я самъ не хочу быть причиною ихъ смерти». Это слова одного изъ тѣхъ, кто воспитывался въ самомъ горнилѣ идеаловъ Бусидо. Есть поговорка: «самая лучшая побѣда та, которая пріобрѣтается безъ пролитія крови». Это показываетъ, что высшимъ идеаломъ рыцарства былъ миръ.

XIV.

Японскихъ женщинъ часто называли разительнымъ примѣромъ совмѣщенія въ себѣ парадоксовъ и это потому, что инстинктивный характеръ ихъ душевныхъ отправленій выше математически точнаго пониманія мужчинъ. Китайскій іероглифъ «таинственный», «неподдающійся познанію», — состоитъ изъ двухъ частей, одна — означаетъ «молодой», другая — «женщина», потому что физическая прелесть и утонченность свойствъ женскаго пола не могутъ быть поняты и объяснены нашимъ мужскимъ складомъ ума.

Бусидо, будучи ученіемъ, имѣвшимъ въ виду мужчинъ, естественно восхваляло добродѣтели далеко не женскія. Поэтому то Бусидо высоко превозносило тѣхъ женщинъ, которыя освобождались отъ слабости своего пола и развивали героизмъ, достойный сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ людей. Молодыхъ дѣвушекъ приучали подавлять свои чувства, закалять нервы и владѣть оружіемъ, особенно же длиннымъ мечемъ, называемымъ наги-ната, такъ, чтобы умѣть, въ случаѣ надобности, пустить его въ ходъ. Между

тѣмъ первыя основанія для упражненія въ этомъ родѣ воинскаго искусства были направлены не къ тому, чтобы владѣть имъ на полѣ брани: имѣлись въ виду личная защита и защита дома. Женщина, не имѣвшая сюзерена, была своей собственной защитой. Мечемъ она защищала свою личную неприкосновенность такъ же ревностно, какъ ея мужъ защищалъ неприкосновенность господина; кромѣ того ея воинскія познанія были необходимы дома, при воспитаніи дѣтей.

Хотя фехтованіе и тому подобныя военныя упражненія, имѣли рѣдко практическое примѣненіе у женщинъ, но за то они были полезны для здоровья при сидячемъ образѣ ихъ жизни. Когда дѣвушки становились женщинами, имъ дарили хорошенкій карманный кинжалъ «каи-кенъ», который они могли возить въ грудь оскорбителя, или же, въ случаѣ надобности, въ свою собственную. Последнее не рѣдко имѣло мѣсто въ исторіи и нельзя ихъ строго судить за это. Даже христіанская религія, такъ рѣзко осуждающая самоубійство, канонизировала двухъ самоубійцъ, Пелагею и Домну, за ихъ чистоту и святость. Когда японская Виргинія убѣждалась, что ея цѣломудрію угрожаетъ опасность, она не дожидалась защиты отца. Ея собственный кинжалъ лежалъ всегда на ея груди. Для нея считалось стыдомъ не сумѣть покончить съ собой. Немногому ее учили по анатоміи, но она должна была точно знать мѣсто для порѣза на шеѣ, и она должна была знать, какъ связать себѣ колѣни поясомъ передъ смертью, дабы тѣло ея было найдено въ цѣломудренной позѣ съ колѣнями, связанными вмѣстѣ.

Было бы весьма ошибочно думать, что мужественность была высшимъ идеаломъ женщины. Далеко нѣтъ. Женственность, и сердечность были лучшими украшеніями японки. Музыка, танцы и литература были предметами ея занятій. Много лучшихъ произведеній японской поэзіи принадлежатъ перу женщинъ и въ японской исторіи изящной литературы японки сыиграли на самомъ дѣлѣ не малую роль. Танцамъ учили (рѣчь идетъ о дочеряхъ самураевъ) только для того, чтобы сгладить угловатость манеръ. Музыка была пріятнымъ времяпрепровожденіемъ въ часы скуки отцовъ и мужей. Здѣсь, при воспитаніи женщинъ, мы замѣчаемъ тоже, что и при воспитаніи юношества, — знанія и образованіе цѣнились по столько, по сколько они имѣли въ виду нравственное развитіе. Образованіе японскихъ женщинъ пріобрѣталось не для вліянія на общество, — оно было домашнимъ развлеченіемъ и если случалось, что имъ пользовались въ обществѣ, то оно проявлялось, какъ атрибутъ хозяйки; другими словами, оно было однимъ изъ видовъ оказанія вниманія гостю, оно было, такъ сказ. частью гостепріимства.

Главной цѣлью при воспитаніи дѣвушекъ было домоводство и семья. Она жила больше всего семьей и въ семьѣ: какъ дочь, она жертвовала собой для своего отца, какъ жена — для своего мужа, какъ мать — для своего сына. Но она не была безгласна: по отношенію къ мужу — ея подчиненіе и самопожертвованіе было свободное, далекое отъ приниженности и рабства. Какъ сюзеренъ не былъ деспотомъ по отношенію къ вассаламъ, такъ мужъ не былъ безграничнымъ повелителемъ въ семьѣ. Въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ она не пользовалась правами мужа, — обязанности жены и матери — вотъ что было сферой ея дѣятельности и она пользовалась общимъ поклоненіемъ за ревностное исполненіе этихъ обязанностей. Въ то время какъ мужъ ея былъ на полѣ брани, управленіе домомъ и общее веденіе дѣлъ по хозяйству переходило цѣликомъ на нее. Воспитаніе юношества, даже его защита, лежало на ея рукахъ. И воинскія знанія, о которыхъ была рѣчь выше, получали здѣсь свое практическое примѣненіе.

XV.

Какъ солнце освѣщаетъ своими лучами сначала верхушки горъ и холмовъ, а потомъ уже долины и низменности, такъ этическая система Вусидо, бывшая сначала достояніемъ правителей, — воинскаго класса, — мало по малу сообщила свои принципы народу — государственной массѣ. Добродѣтели не менѣе заразительны, чѣмъ пороки. Ни кастовая обособленность, ни разность положенія не могутъ противиться громадной силѣ моральнаго вліянія. Всѣмъ тѣмъ, что Японія представляетъ изъ себя теперь, — она обязана самураямъ. Они были не только плодомъ національной культуры страны, но и ея корнемъ. Ни одинъ лучшій даръ неба не минулъ ихъ.

Прогулки по народнымъ увеселеніямъ и празднествамъ, посѣщеніе театровъ и домовъ рассказчиковъ, поученія съ каеэдръ проповѣдниковъ, музыкальныя произведенія, романы и повѣсти — все говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣли самураи на жизнь: главныя темы для всего этого берутся изъ жизни самурая. Крестьянамъ, сидящимъ вокругъ домашняго огонька, никогда не прискучиваетъ повторять по многу разъ исторію приключеній Иосицуне и его храбраго приближеннаго Бенкей, или же исторію о двухъ отважныхъ братьяхъ Сога. Мальчишки жадно прислушиваются къ этимъ рассказамъ и ихъ сердца зажигаются удивленіемъ передъ подвигами этихъ рыцарей; конторщики и мальчишки въ лавочкахъ послѣ дневной работы, закрывши амадо (ставни), собираются вмѣстѣ, рассказываютъ другъ другу исторіи о Нобунага и Хидеюси и засиживаются до разсвѣта, съ жадностью внимая другъ другу. Малыхъ ребятъ учатъ рассказывать о приключеніяхъ Момотаро, побѣдителя орды чудовищъ. Даже дѣвушки такъ пропитаны любовью

и уваженіемъ къ рыцарскимъ подвигамъ и добродѣтелямъ, что лучшимъ и самымъ пріятнымъ для нихъ дѣломъ является слушать и пѣть романсы, сложенные въ честь самураевъ.

Самурай выросъ въ лучшій идеалъ всей націи. «Какъ между цвѣт-ками вишневыи — царь, такъ между людьми самурай — господинъ», любятъ часто повторять японцы. Чуждые преслѣдованія всякихъ коммерческихъ цѣлей, рыцари не покровительствовали торговлѣ, — но не существовало никакой челоуѣческой дѣятельности, никакого направленія мысли, гдѣ Бусидо не участвовало бы своимъ вліяніемъ. Интеллектуальное и нравственное развитіе Японіи есть продуктъ рыцарства.

Насколько Бусидо имѣло вліянія на всѣ классы общества, видно изъ факта возникновенія класса людей, извѣстныхъ подъ именемъ «отоко-дате», природныхъ вождей демократіи. Это были настоящіе молодцы, — все въ нихъ показывало силу и мощь при благородствѣ натуры. Защитники народныхъ правъ каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ покровительствомъ отъ ста до тысячи душъ, которыя поручали имъ себя такъ, какъ это дѣлали самурай по отношенію къ даймію, — со всѣми членами своего тѣла, жизнью, имѣніемъ и земными почестями.

Многими путями Бусидо проникло въ массу изъ общества, гдѣ оно возникло и выросло, а засимъ дѣйствовало какъ дрожжи, подвергая броженію нравственные устои всего народа. Принципы рыцарства, находившіе себѣ сначала подражаніе въ народѣ въ очень немногѣхъ и у немногихъ, сдѣлались со временемъ душой народа. И хотя чернь не могла подняться до высоты моральныхъ требованій высшаго класса, но все же должно сказать, что Ямато Дамаси, т. е. японскій духъ, выразился въ самураиствѣ.

Не умертвила ли западная цивилизація, — во многомъ воспринятая стра-ной, — всего, что выработало древнее рыцарство? Было бы очень горько ска-зать, что душа націи можетъ умереть такъ скоро. Только очень бѣдная душа можетъ лишиться такъ легко вліянія, которое было самымъ сильнымъ изъ всѣхъ въ продолженіи 7—8 столѣтій. Совокупность элементовъ, со-ставляющихъ сущность національнаго характера, также могущественна и непреодолима, какъ специфическія особенности рода, — плавники у рыбы, гяжъ у птицы, зубы плотоядныхъ животныхъ. Лебонъ говоритъ, что ка-чества и недостатки народнаго характера составляютъ исключительную при-надлежность націи. Это скалы, которыя волна обмываетъ въ продолженіе многихъ столѣтій, прежде чѣмъ они сдѣлаются вполнѣ гладкими.

Хотя и нельзя сказать, что черты характера, которыя Бусидо отра-зило на націю и на самураевъ, въ особенности непреодолимы, тѣмъ не ме-

нѣе несомнѣнно, что они далеко еще не утратили своей жизненности по сей часъ. Будь самурайство простой физической силой, державшей страну 7—8 столѣтій, и тогда вліяніе его не могло прерваться въ 25—30 лѣтъ. «Въ каждомъ изъ насъ течетъ кровь людей, жившихъ за 1000 лѣтъ прежде насъ,» говорить французскій экономистъ Шейссонъ.

Безсознательная, стихійная власть Бусидо составляетъ и теперь двигательную силу націи и отдѣльныхъ личностей. Государственные люди, бывшіе главными дѣятелями при началѣ новой эры японской жизни, не знали другого ученія кромѣ Бусидо. Прочтите біографіи строителей современной Японіи, —Сакума, Саиго, Окубо и Кидо, —не говоря о живущихъ Ито, Окума, Итагаки и др., —вы увидите, что все, что было сдѣлано ими, сдѣлано подъ вліяніемъ самурайства.

Переходное состояніе Японіи —фактъ, извѣстный всему міру. При открытіи портовъ для иностранной торговли, при всѣхъ нововведеніяхъ въ странѣ, при изученіи западныхъ идей и знаній, —однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ было чувство чести, —черта самурайства. Въжливость народа, о которой пишутъ и говорятъ всѣ путешественники, бывшіе въ Японіи, —наслѣдство рыцарства. Выносливость, храбрость, отважность воина, воспитавшагося въ соотвѣствующихъ традиціяхъ, достаточно доказана въ китайско-японскую войну. Есть-ли нація болѣе дойяльная и патріотичная, чѣмъ японская? Японцы съ гордостью могутъ отвѣтить, что нѣтъ. И за все это японцы должны быть благодарны этикѣ Бусидо. Но вліяніемъ-же Бусидо на націю объясняются и народныя недостатки. Напримѣръ, фактъ, что Бусидо не покровительствовало и не развивало метафизическихъ и философскихъ наклонностей людей, сказался въ томъ, что до сихъ поръ японцы не внесли въ исторію мысли ни какого значительнаго вклада. Исключительное положеніе, въ которое были поставлены самураи, развивало, при неблагоприятныхъ условіяхъ воспитанія, чванство передъ низшими. Учтивость японца-рыцаря иногда переходитъ границы и становится льстивостью. Торгашество въ коммерціи, какъ не разъ уже было замѣчено, явилось слѣдствіемъ ненормальнаго отношенія самураевъ къ этого рода человѣческой дѣятельности. Указываютъ на то, что японецъ —герой до извѣстнаго предѣла; дойдя до извѣстной черты, за которой, по его сознанію, борьба бесполезна, онъ добровольно осуждаетъ себя на смерть. И эта черта есть слѣдствіе вліянія этики Бусидо. Въ отношеніи къ своему патрону, какъ мы видѣли, Бусидо требовало покорности до извѣстной степени; если патронъ посягалъ на совѣсть и убѣжденія вассала, то послѣдній, видя тщетность своихъ доводовъ, долженъ былъ добровольно осудить себя на смерть, —совершить хара-кири. То же самое

мы видимъ и по отношенію къ высшему патрону,—судьбѣ. Если борьба въ жизни, по сознанію японца, представляется невозможной, то онъ смиряется и умираетъ. Безстрастность физиогноміи японца, на которой трудно прочесть слѣды страданій и горя, явилась слѣдствіемъ историческаго воспитанія въ принципахъ Бусидо. Бусидо требовало умѣнья владѣть собой и ни въ какомъ случаѣ не выставлять наружу того, что въ данное время волнуетъ душу. И это отразилось на физиогноміяхъ японцевъ тѣмъ, что они имѣютъ видъ какъ бы равнодушный, чуждый подвижности,—свойства, которое свѣдѣтельствуешь объ отраженіи душевныхъ волненій. Къ ихъ лицамъ не приимѣнима русская пословица — «лицо есть зеркало души». Порядокъ, при которомъ все приносилось и дѣлалось въ пользу патрона, развилъ въ японцѣ умѣнье слѣдить за дѣйствіями своего врага, умѣнье узнавать все, что тотъ ни предпринимаетъ и извлекать изъ этго возможную пользу для себя.

И такъ вездѣ и во всемъ сказывается вліяніе Бусидо, живое и могущественное еще и теперь.

XVI.

Но дни Бусидо уже сочтены. Если возможно сравненіе между рыцарствомъ западно-европейскимъ и Бусидо въ Японіи, то съ положительностью можно сказать, что судьба того и другого должна быть одинаковой. Одно изъ существенныхъ отличій японскаго рыцарства отъ западно-европейскаго то, что когда въ Европѣ палъ феодализмъ и чрезъ это рыцарство лишилось своей опоры, то оно нашло для себя другую опору—церковь. Въ Японіи, послѣ паденія феодализма, никакая религія не можетъ дать теперь соковъ, нужныхъ для питанія Бусидо; —отсюда когда мать этого института,—феодализмъ,—палъ, Бусидо осталось сиротой и нѣтъ средствъ, которыя дали бы ему возможность снова развиться. Настоящая военная организація могла бы взять Бусидо подъ свое покровительство, но всякій знаетъ, что новѣйшее воинское искусство даетъ слишкомъ мало для развитія рыцарскихъ добродѣтелей. Синтоизмъ, который питалъ Бусидо при его возникновеніи, уже потерялъ свою жизненную силу. Сѣдые мудрецы Китая вытѣсняются философами Европы, въ родѣ Бенгтама, или Милля. Нравственныя теоріи, льстящія повинистескимъ тенденціямъ даннаго времени и научающія хорошо приспосабливаться къ обстоятельствамъ, уже изобрѣтены и предлагаются въ массѣ; рѣзкимъ отголоскомъ онѣ проходятъ черезъ толстые журналы въ Японіи. Власть и правительство, все—противъ принциповъ Бусидо. Паденіе церемониальнаго кодекса, или, другими словами, распространеніе вульгарнаго элемента въ жизни, считающейся естественной между ремесленнымъ классомъ населенія, есть одно изъ тяжелыхъ явленій японской жизни въ глазахъ людей

утонченныхъ вкусовъ. Непреодолимое шествіе побѣдоносной демократіи, которая не терпитъ ни вида, ни формы правды—(а Бусидо, построенное на началахъ идеалистической этики, было правдой, монополизированной тѣми, кто былъ культурень и образованъ), грозитъ и совсѣмъ подрывать общественное вліяніе Бусидо на жизнь. Современные общественныя силы настроены враждебно къ маленькому культурному классу въ Японіи. Новѣйшее общество не можетъ допустить существованія «чисто личныхъ обязательствъ въ пользу интересовъ отдѣльной касты». Прибавьте къ этому прогрессъ въ народномъ воспитаніи, въ промышленности, въ искусствахъ, жизненнымъ обиходѣ, общемъ строѣ деревенской и городской жизни и будетъ ясно, что ни остріе меча самурая, ни лучшая стрѣла буси не могутъ остановить теченія жизни, дѣйствующаго разрушительнымъ образомъ на Бусидо. Правительство, построенное на остаткахъ рыцарскихъ добродѣтелей, попадаетъ въ руки крючкотворцевъ, законниковъ и жадныхъ политикановъ.

Исторія учитъ насъ, что государство, основанное на воинственныхъ началахъ, будетъ ли оно въ родѣ Спарты, или въ родѣ Римской Имперіи, никогда не можетъ быть вѣчнымъ. Ясно и понятно, что воинскіе инстинкты, могущіе доказать благородство человѣческой натуры въ извѣстномъ направленіи, недостаточны для развитія всѣхъ качествъ души человѣка. Намъ извѣстно по исторіи, что подъ инстинктивной потребностью битвы, нерѣдко кроется божественный инстинктъ любви. И мы видѣли, что сивтоизмъ, Менъ-цзы и Вэнь Янь-минъ ясно учили всему этому, но Бусидо и всѣ другія нравственныя ученія съ воинствующимъ направленіемъ, примѣняясь практически, часто оставляютъ въ сторонѣ и забываютъ идеалы милосердія и любви; нравственныя же требованія становятся шире и глубже за послѣднее время, потому что сама жизнь все расширяется и расширяется.

Когда условія общества измѣнились такъ, что они не только стали противны Бусидо, но и враждебны ему, то ясно, что уже приходитъ время похоронить этику воиновъ. Трудно указать время, когда идеалы рыцарства умрутъ, такъ же точно какъ трудно указать и начало ихъ возникновенія. Формально феодализмъ былъ объявленъ уничтоженнымъ въ 1870 году,—это было сигналомъ и къ паденію Бусидо. Указъ, вышедшій пятью годами позже, запрещающій носить мечи, уничтожилъ «не имѣющее никакой цѣнности украшеніе жизни, дешевую защиту націи,—то, что воспитывало мужественныя чувства и пробуждало желаніе геройскихъ подвиговъ»; взамѣнъ,—онъ возродилъ къ жизни «софистовъ, экономистовъ и статистиковъ».

И вотъ говорятъ, что Японія выиграла послѣднюю войну съ Китаемъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что имѣла ружья Мурата и пуш-

ки Крунна и что эта побѣда была слѣдствіемъ изученія новѣйшей методы веденія войны. Но это меньше чѣмъ половина правды. Развѣ на іавино лучшей фабрики въ мірѣ могутъ быть хорошо разыграны рапсодіи Листа, или сонаты Бетховена не мастерской рукой? Или, если бы пушки выигрывали сраженія, то почему Луи Наполеонъ не побилъ пруссаковъ со своими митральезами, или англичане, располагавшіе всѣмъ лучшимъ, что можетъ дать современная механика, не могли побѣдить буровъ? Нѣтъ нужды повторять ту банальную истину, что во всемъ этомъ большее значеніе имѣетъ духъ, который животворитъ и безъ котораго самые лучшіе снаряды приносятъ очень маленькую пользу. Лучшія пушки и орудія въ рукахъ не война не выстрѣляютъ хорошо и самая новѣйшая система воспитанія не можетъ труда обратить въ героя. Въ тѣхъ битвахъ при Ялу въ Корей и Маньчжуріи былъ духъ предковъ, — японцевъ рыцарей, — руководившій движеніями и запечатлѣвшійся на скрижаляхъ сердца потомковъ. Онъ далеко еще не умеръ и теперь, этотъ животворящій духъ предковъ воиновъ. Безсознательная стихійная сила его еще долго будетъ властвовать надъ душой японца. Для того, чтобы зерна новыхъ идей, заброшенные въ душу японца, ассимилировались со всѣмъ существомъ его, требуется не одинъ десятокъ лѣтъ, да и всѣ новыя теченія должны пройти чрезъ самурайство, которое не можетъ не оставить на нихъ слѣда.

Отъ этической системы феодальной Японіи, какъ и отъ замковъ и вооруженія рыцарей, весьма вѣроятно, скоро не останется ни слѣда и новыя нравственныя теоріи, подобно фениксу, будутъ появляться и находить послѣдователей среди японцевъ, ведя ихъ по пути прогресса. Желательно и несомнѣнно исполненіе такого пророчества; но мы не должны забывать, что фениксъ встаетъ изъ своего собственнаго попла, и что никакая птица не летаетъ на крыльяхъ, заимствованныхъ со стороны, отъ другой птицы. «Царствіе Божіе внутрь васъ», — оно не приходитъ, падая съ неба и нельзя привезти его на пароходѣ изъ за моря. Сѣмена царствія Божія, какъ засвидѣтельствовано и подтверждено японской жизнью, расцвѣли въ Бусидо. Наши дни, дни заключительные для Бусидо; и, передъ тѣмъ какъ принести Бусидо полные плоды, являются во всѣхъ отношеніяхъ другіе источники свѣта и правды, силы и красоты и между ними нѣтъ ничего, чтобы вполне могло замѣнить прежде бывшее. Недостатки и достоинства матеріализма и утилитаризма находятъ послѣдователей между людьми, которые любятъ утѣствовать и имѣютъ половинчатую душу. Другая этическая система, которая можетъ еще бороться съ матеріализмомъ и утилитаризмомъ, это — христіанство; но оно еще не сняло съ себя историческихъ наслоеній двухъ тысячъ лѣтъ.

И чѣмъ Бусидо будетъ замѣнено, — христіанствомъ ли, или матеріалистической философій, — сказать трудно. Не имѣя догматовъ и не будучи заключено въ формулы, оно не имѣетъ и средствъ чтобы бороться съ первымъ, что будетъ имѣть претензію замѣнить его. И оно разсѣется подобно вишневному цвѣтку при первомъ вѣяніи новыхъ ученій. Но общая его сущность никогда не погибнетъ. Развѣ кто скажетъ, что стоицизмъ умеръ? Онъ умеръ какъ система, но живъ какъ добродѣтель; его вліяніе сказывается на всѣхъ отрасляхъ жизни: въ философій западныхъ націй, въ юриспруденціи всего цивилизованнаго міра. Бусидо, какъ независимый кодексъ морали, можетъ исчезнуть, но его жизненная сила не исчезнетъ съ земли; воспитаніе въ воинскомъ духѣ и рыцарскихъ чувствахъ пройдетъ, но свѣтъ и слава рыцарства будутъ ярко блистать надъ ихъ развалинами. И будетъ съ японскимъ рыцарствомъ тоже, что бываетъ съ символическимъ цвѣткомъ Японіи послѣ дуновенія вѣтра. Какъ вѣтеръ разноситъ благоуханіе и лепестки этого цвѣтка по всей странѣ, такъ и рыцарство, погребенное и полузабытое со временемъ, будетъ блистать и красоваться изъ далекаго прошлаго своими идеалами добра, истины и красоты, давая возможность всѣмъ наслаждаться прелестью бывшаго.

II.

ИСТОРИЯ 47 ВѢРНЫХЪ ВАССАЛОВЪ.

Прошу моихъ читателей мысленно перенестись на берегъ Тедоской бухты. Веселый, улыбающійся ландшафтъ. Постепенно спускающіеся склоны, пересѣченные темными полосами изъ сосенъ и елей, ведущими къ морю; причудливыя кровли многочисленныхъ храмовъ, выглядывающія тамъ и сямъ изъ рощъ; само море представляетъ красивую картину со своими рыболовными лодками, огни которыхъ мелькаютъ темной ночью среди отдаленныхъ фортовъ, точно ивановскіе червячки; къ востоку виднѣются туманныя очертанія высотъ Ояма, — обиталища духовъ, а дальше, за пиками близнецами хребта Хаконе, — гора Фудзи-яма, не имѣющая себѣ равной въ мірѣ, одинокая и величавая высится она въ центрѣ равнины, изъ нѣдръ которой появилась, объята пламенемъ, 21 столѣтіе тому назадъ. Уже 160 лѣтъ эта громада безмолвствуетъ, но частыя землетрясенія все еще говорятъ о

скрытыхъ огняхъ и никто не можетъ сказать, когда раскаленные до-красна камни и пепелъ могутъ снова упасть подобно дождю на пять провинцій ¹⁾).

Въ срединѣ высокопочитаемой рощи въ Таканава, одномъ изъ пригородовъ Іедо, пріютился храмъ Сенгакудзи, или храмъ Весенняго холма, слава о которомъ идетъ по всему лицу японской земли. При немъ похоронены 47 рониновъ ²⁾, прославившихся въ японской исторіи героевъ японской драмы, о подвигахъ которыхъ я и хочу вамъ повѣдать.

По лѣвую сторону въ главномъ дворѣ храма стоитъ часовня, въ которой у ногъ высокой золотой статуи Квант-инъ, божества милосердія, разставлены изображенія 47 богатырей и ихъ возлюбленнаго господина. Изображенія эти вырѣзаны изъ дерева; лица ихъ выкрашены, а одежды богато лакированы; въ качествѣ художественныхъ произведеній они обладаютъ крупными достоинствами: поза и движенія героевъ, каждого вооруженнаго своимъ любимымъ оружіемъ, схвачены и переданы съ удивительной силой и жизненнымъ выраженіемъ; нѣкоторые съ рѣдкими сѣдыми волосами, — одному 77 лѣтъ; другіе совсѣмъ молодые, — мальчики 16 лѣтъ. Рядомъ съ часовней, въ сторону отъ тропинки, ведущей на холмъ, есть маленькій колодезь съ прозрачной водой, кругомъ котораго растетъ папоротникъ, и тутъ же прибита дощечка съ надписью: «это колодезь, въ которомъ была обмыта голова; вы не должны мыть здѣсь нашихъ рукъ и ногъ». Немного дальше навѣсѣ, гдѣ бѣдный старикъ зарабатываетъ себѣ пропитанье продажей книгъ, картинъ и медалей, передающихъ о подвигахъ сорока семи. Немного выше,

¹⁾ По традиціонному японскому вѣрованію, въ пятый годъ правленія императора Кореи (286 г до Р. Хр.) въ провинціи Оми провалилась земля и вслѣдствіе этого образовалось озеро Бива—60 миль въ длину и 18 въ ширину, въ видѣ бива, —4-хъ струнной лютни, отъ которой оно и получило свое наименованіе. Въ тоже самое время для уравниенія понизившейся землѣ, въ разстояніи 300 миль отъ озера поднялась гора Фудзи-яма, послѣднее изверженіе которой было въ 1707 году.

²⁾ Слово ронинъ (человѣкъ волны) нѣсколько соответствуетъ древне-русскому «изгой». Оно употребляется для обозначенія лицъ благородной крови, имѣющихъ право носить оружіе, лицъ, которые оторваны отъ своего сюзерена судьбой, или ушли отъ него по своей собственной волѣ, или же, наконецъ, уволены имъ;—они блуждаютъ по странѣ, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, иногда нанимаясь на службу къ новымъ сюзеренамъ, иногда поддерживая свое существованіе мародерствомъ; нѣкоторые, спускаясь ниже и ниже, занимались торговлей и становились простыми служащими. Иногда, изъ политическихъ видовъ, вассалъ дѣлался рониномъ для того, чтобы его князь не былъ замѣшанъ въ кровавомъ дѣлѣ, на которое тотъ добровольно опредѣлялъ самого себя по дѣлу своего патрона. Бывало также, что самурай становился рониномъ и на нѣкоторое время удрался съ родины до тѣхъ поръ, пока дѣло крови, въ которомъ онъ участвовалъ, не затихало; послѣ этого онъ снова возвращался къ своему прежнему патрону. Въ позднѣйшее время самураи часто дѣлались ронинами на извѣстное время и нанимались на службу къ иностранцамъ въ открытыхъ портахъ на низшія должности, въ надеждѣ научиться языку и потерпвуть знанія отъ западныхъ народовъ.

подъ тѣнью стройныхъ деревьевъ, — изящная ограда, содержащая, какъ гласитъ объявленіе, на добровольныя пожертвованія. Кругомъ нея 48 небольшихъ каменныхъ плитъ; каждая изъ нихъ обвита зеленью, близъ каждой поставлена чистая вода и горитъ свѣчка для успокоенія отошедшаго духа. Рониновъ было 47, плоть же здѣсь 48 и исторія сорокъ восьмой есть вѣрная характеристика пониманія японцами чести. Почти касаясь ограды, стоитъ болѣе внушительный на видъ памятникъ, подъ которымъ лежитъ господинъ, смерть коего благоговѣнно отомстили его приближенные.

Но перейдемъ къ исторіи.

Въ началѣ XVIII столѣтія жилъ даймю по имени Асано Такуми-но Ками, владѣтельный князь замка Аки, въ провинціи Харима. Когда однажды въ Іедо къ сіюгуну пріѣхалъ императорскій посолъ отъ микадо, то Такуми но Ками, вмѣстѣ съ другимъ княземъ, по имени Ками Сама, было приказано встрѣчать и принимать его. Высокопоставленный чиновникъ, по имени Кира Коцуке но Суке, долженъ былъ учить ихъ этикету, установленному для подобныхъ случаевъ пріема посла сіюгуномъ ¹⁾.

Этотъ Коцуке но Суке былъ человѣкъ очень падкій на деньги и такъ какъ онъ находилъ, что подарки, которые, согласно освященному временемъ обычаю, поднесли ему эти два даймю въ благодарность за наставленія, были плохи и недостаточны, то онъ затаилъ противъ нихъ тайную злобу, не училъ ихъ какъ слѣдуетъ, а, напротивъ, скорѣе старался лишь дѣлать изъ нихъ всеобщее посмѣшище. Такуми но Ками, сдерживаемый непоколебимымъ сознаніемъ долга, терпѣливо переносилъ его оскорбленія; но Ками Сама, который имѣлъ меньшую власть надъ собою, былъ крайне возбужденъ дерзостями Коцуке но Суке и рѣшилъ убить его.

Однажды ночью Ками Сама, возвратившись домой по исполненіи своихъ обязанностей въ замкѣ, собралъ своихъ совѣтниковъ ²⁾ на тайное совѣщаніе и сказалъ имъ: «Коцуке но Суке оскорбилъ Такуми но Ками и меня, когда мы, по долгу службы, находились при особѣ императорскаго посла. Это противъ всѣхъ правилъ приличія, и я способенъ былъ убить его на мѣстѣ. Но тутъ же я вспомнилъ, что если сдѣлаю это въ замкѣ, то въ такомъ случаѣ не будетъ пощажена не только моя собственная жизнь, но

¹⁾ Посольства, посылавшіяся отъ микадо изъ Кіото въ Іедо, чтобы сообщать сіюгуну волю государя, были принимаемы съ императорскими почестями и обязанность занимать посланниковъ возлагалась на самураевъ высшаго ранга.

²⁾ Совѣтники у даймю были двухъ классовъ «каро» (старецъ) — наследственная служба, — обязанность вести ее возлагалась на младшихъ братьевъ изъ семейства князя; и «іо-нинъ» — (люди дѣла), которые выбирались за свои заслуги. Эти совѣтники играли весьма важную роль въ японской исторіи.

будутъ погублены и мое семейство, и мои слуги, — и я удержалъ свою руку. Но жизнь этого негодяя — горе для народа и завтра, когда я буду во дворцѣ, я убью его. Я твердо рѣшился и не потерплю никакихъ возраженій». И пока онъ говорилъ это, лицо его побагровѣло отъ ярости.

Одинъ изъ совѣтниковъ Камен Сами былъ человѣкъ весьма разсудительный и, когда онъ увидѣлъ, что намѣренію его господина не помѣшаютъ никакія увѣщанія, онъ сказалъ: «Ваши слова — законъ; ваши слуги сдѣлаютъ все нужныя приготовленія и завтра, когда ваша свѣтлость придете во дворецъ, а этотъ Коцукэ но Суке снова будетъ также дерзокъ какъ и раньше, онъ умретъ». Эти слова очень пришлись по дунѣ Камен Сама и онъ нетерпѣливо ждалъ разсвѣта слѣдующаго дня, когда пойдетъ во дворецъ и убьетъ своего врага.

Совѣтникъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, что сказалъ его господинъ, и пока онъ раздумывалъ объ этихъ словахъ, ему пришло въ голову, что Коцукэ но Суке имѣлъ репутацію скупца, что онъ не устоитъ передъ взяткой и что, слѣдовательно, лучше заплатить ему деньги, сколько бы ихъ ни потребовалось, чѣмъ допустить, чтобы Камен Сама и весь домъ его были погублены. И вотъ, этотъ вѣрный человѣкъ собралъ все деньги, какія только могъ достать и велѣлъ своимъ слугамъ отнести ихъ къ Коцукэ но Суке; самъ онъ поѣхалъ ночью въ его дворецъ и сказалъ его приближеннымъ: «Мой господинъ, состоящій въ настоящее время при особѣ императорскаго посла, весьма благодаренъ его сіятельству Коцукэ но Суке, которому онъ причинялъ столько хлопотъ, пока тотъ училъ его надлежащему церемониалу, соблюдаемому при пріемѣ императорскихъ посланцевъ. Мой господинъ надѣется, что его сіятельство соблаговолитъ принять вотъ этотъ ничтожный подарокъ, который онъ послалъ со мною, и отнесется къ нему благосклонно». Съ этими словами онъ передалъ 1000 унцій серебра для Коцукэ но Суке и 100 — для его приближенныхъ.

Когда послѣдніе увидѣли деньги, то въ глазахъ ихъ сверкнула радость и они разсыпались въ благодарностяхъ. Попросивъ совѣтника подождать немного, они пошли доложить своему господину о царскомъ подаркѣ, только что полученномъ съ вѣжливымъ привѣтствіемъ отъ Камен Сама. Коцукэ но Суке, въ пылу удовольствія, позвалъ прибывшаго съ подаркомъ совѣтника въ свои внутренніе покои и, благодаря его, общалъ поучить его господина всемъ тонкостямъ этикета на другой день особенно внимательно. Совѣтникъ, видя восторгъ скупца, радовался за успѣхъ своего плана и возвратился домой удовлетворенный.

Камеи Сама, однако, мало помышлялъ о томъ, что его приближенному удалось снискать благоволеніе со стороны его врага, Коцуке но Суке; — всю ночь онъ обдумывалъ свое мщеніе и на слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, отправился въ торжественной процессіи во дворецъ. Когда онъ прибылъ туда, то тотчасъ замѣтилъ, что манера Коцуке но Суке держаться съ нимъ была совершенно другая, и ничто не могло превзойти его вѣжливости. «Сегодня вы пришли во дворецъ очень рано, князь», сказалъ Коцуке но Суке. «Я не могу достаточно надивиться вашему рвенію. Сегодня я буду имѣть честь обратить ваше благосклонное вниманіе на нѣкоторые особенные пункты этикета. Я долженъ просить у васъ прощенія за мое прежнее поведение, которое было очень грубо. Я по природѣ очень ворчливый человѣкъ, и потому снова прошу васъ простить меня. И такъ какъ Коцуке но Суке держалъ себя очень униженно и говорилъ лстивыя рѣчи, то сердце Камеи Сама мало-по-малу отошло и онъ отказался отъ намѣренія убить его. Такимъ образомъ, благодаря находчивости своего приближеннаго, Камеи Сама со всѣмъ своимъ домомъ былъ спасенъ отъ гибели.

Вскорѣ послѣ этого Такуми но Ками, который не посылалъ никакого подарка, прибылъ во дворецъ и Коцуке но Суке издѣвался надъ нимъ даже болѣе грубо, чѣмъ когда-либо, забрасывая его вызывающими насмѣшками и скрытыми оскорбленіями; но Такуми но Ками дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и терпѣливо подчинялся приказаніямъ Коцуке но Суке. Смирненіе Такуми но Ками, вмѣсто того чтобы принести пользу, лишь усилило заносчивость и дерзость Коцуке но Суке, который, желая передъ всѣми выказать свое презрѣніе къ Такуми но Ками, обратился, наконецъ, къ нему съ слѣдующими словами: «Послушайте, Такумискій князь, на моей сандалии развязалась лента; будьте такъ добры завязать ее». Такуми но Ками сначала вспыхнулъ отъ гнѣва, но потомъ, подумавъ, что это его обязанность, повиновался и завязалъ ленту. Тогда Коцуке но Суке, отвернувшись отъ него, дерзко воскликнулъ «Какъ вы неуклюжи! Даже завязать ленты какъ слѣдуетъ, не умѣете. Посмотрѣвши на васъ, всякій скажетъ, что вы настоящая деревенщина, не имѣющая никакого понятія о приличіяхъ Іедо». И съ оскорбительнымъ смѣхомъ онъ направился во внутренніе покои.

Теперь терпѣнію Такуми но Ками насталъ конецъ и это послѣднее оскорбленіе было больше, чѣмъ онъ могъ снести. «Милостивый Государь, остановитесь на минутку!» воскликнулъ онъ. «А, въ чемъ дѣло?» спросилъ тотъ и когда обернулся, то Такуми но Ками, выхвативъ свой короткій мечъ, нанесъ ему ударъ въ голову. Коцуке но Суке, защищенный придворнымъ

головнымъ уборомъ, получилъ однако лишь маленькую царапину и, спасаясь отъ нападенія, пустился въ бѣгство. Такуми но Ками, преслѣдуя его, попытался вторично ударить его мечемъ, но, промахнувшись, вонзилъ его со всего размаха въ столбъ. Въ этотъ моментъ одинъ изъ офицеровъ бросился на мѣсто сцены, схватилъ сзади разъяреннаго Такуми но Ками и такимъ образомъ далъ возможность Коцуке но Суке убѣжать.

Вслѣдъ за симъ поднялся большой переполохъ и шумъ. Такуми но Ками былъ арестованъ, обезоруженъ и заключенъ во дворецъ подъ стражу. Соборанный совѣтъ постановилъ передать его на поруки одному даймю, по имени Тамура Укійо-но Даибу, который держалъ его подъ строгимъ арестомъ въ его собственномъ домѣ, къ большому огорченію его жены и приближенныхъ. На совѣтъ было найдено, что онъ совершилъ насиліе, — напалъ на челоуѣка внутри дворца и поѣтому долженъ совершить хара-кири, т. е. онъ долженъ покончить съ собой самоубійствомъ, вѣпоровни животь; его имущество должно быть конфисковано и весь родъ разоренъ. Таковъ былъ законъ. И вотъ Такуми-но Ками совершилъ хара-кири, его замокъ Аѣо былъ отобранъ въ казну, его приближенные сдѣлались изгоями; нѣкоторые изъ нихъ нанялись на службу къ другимъ даймю, другіе же пошли въ торговцы.

Среди приближенныхъ Такуми но Ками находился главный совѣтникъ его Оиси Кураносуке, который вмѣстѣ съ 46 другими вѣрными вассалами заключилъ уговоръ отомстить за смерть своего господина. Этотъ Оиси Кураносуке находился, во время нападенія своего господина на обидчика, вдали отъ него, въ Аѣоскомъ замкѣ. Понятно, если бы онъ находился при своемъ господинѣ, никогда бы не произошло такого несчастья, потому что онъ, какъ умный челоуѣкъ, не попустился бы на подарки Коцуке но Суке, совѣтникъ же, который находился при князѣ во время пребыванія послѣдняго въ Іѣдо, былъ челоуѣкъ недостаточно догадливый и упустилъ изъ виду эту необходимую предосторожность, причинивъ, благодаря своей небрежности, смерть своему господину и разореніе его дому.

И вотъ этотъ Оиси Кураносуке и его 46 товарищей приступили къ выполненію своего плана отмщенія Коцуке но Суке. Послѣдній, на случай нападенія, былъ окруженъ теперь храбрыми воинами, присланными къ нему отъ даймю Уесуги Сама, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Убѣдившись, что единственнымъ средством достигнуть намѣченной цѣли было усыпить бдительность и подозрѣнія врага, Оиси Кураносуке и его товарищи разѣялись въ разныя стороны и скрывались — одни подъ видомъ плотниковъ, другіе подъ видомъ ремесленниковъ, третьи же занялись торговлей, а самъ начальникъ ихъ, Кураносуке, ушелъ въ Кіѣто, построилъ тамъ домъ въ

Ямасина, посѣщаль дома самой сомнительной репутаціи, предавался пьянству и разврату, какъ будто у него и въ умѣ не было отмстить за смерть своего господина. Коцуке но Суке подозрѣвая, что прежніе вассалы Такуми но Ками могутъ замышлять на его жизнь, тайно подослалъ въ Кіото шпионовъ и требовалъ отъ нихъ точнаго отчета о томъ, какъ ведетъ себя тамъ Кураносукэ. Кураносукэ же, рѣшивши окончательно навести своего врага на путь ложной безопасности, продолжалъ проводить время въ обществѣ уличныхъ женщинъ и пьяницъ. Однажды, возвращаясь домой изъ грязнаго притона, онъ пьяный упалъ на улицѣ и заснулъ, и все проходившіе мимо него осыпали его презрительными насмѣшками. Случилось какъ разъ, что шелъ мимо одинъ уроженецъ княжества Сацума. Увидя пьянаго Кураносукэ, онъ сказалъ: «Вѣдь, это тотъ самый Оиси Кураносукэ, который былъ совѣтникомъ Асано Такуми но Ками и который, не имѣя духа отомстить за смерть своего господина, проводитъ жизнь въ обществѣ женщинъ и пьяницъ. Посмотрите, вонъ онъ лежитъ пьяный на шумной улицѣ. Паршивое животное! Дуракъ и мерзавецъ, недостойный имени самурая!» И съ отвращеніемъ онъ пихнулъ спящаго ногой и плюнулъ ему въ лицо. Когда шпионы Коцуке но Суке донесли обо всемъ этомъ въ Іедо, то тотъ, при такихъ новостяхъ, почувствовалъ большое облегченіе и подумалъ, что всякая опасность уже миновала.

Жена Кураносукэ, до глубины души огорченная безпутной жизнью мужа, сказала ему: «Мой господинъ, вы сначала говорили мнѣ, что вашъ развратъ только ловкая хитрость для того, чтобы обмануть бдительность вашего врага. Но на самомъ дѣлѣ это зашло уже слишкомъ далеко. Прошу и умоляю васъ—будьте немного подержаннѣе».

— «Не надоѣдай мнѣ», закричалъ Кураносукэ, «своимъ хныканьемъ и жалобами, я не желаю ихъ слушать. А такъ какъ тебѣ не нравится моя жизнь, то ты можешь идти куда тебѣ угодно и заниматься чѣмъ хочешь,—я желаю развода; самъ же я возьму себѣ молоденькую и хорошенькую дѣвочку изъ публичнаго дома и буду жить себѣ въ свое удовольствіе. Я дѣлаюсь больно при видѣ такой старой хрычовки, какъ ты, и чѣмъ скорѣе ты уберешься изъ дому, тѣмъ пріятнѣе для меня!»

Жена, испугавшись гнѣва мужа, жалобно умоляла его смиростивиться.

— «О, мой господинъ!»—сказала она. «Не говорите такихъ вещей! Я была вамъ вѣрной женой въ продолженіе двадцати лѣтъ, родила вамъ троихъ дѣтей, въ болѣзняхъ и горѣ я была съ вами, вы не можете быть такъ жестоки и выгнать меня изъ вашего дома. Сжальтесь, сжальтесь надо мной!»

— «Полю хныкать! Это ничему не поможет: я не могу тебя видѣть и ты должна уйти, а такъ какъ дѣти также мѣшаютъ мнѣ, то ты можешь, если тебѣ угодно, взять и ихъ съ собой».

Когда она услышала это, то, въ горѣ, отыскала своего старшаго сына Оиси Цикара и просила его заступиться за нее предъ отцемъ и попросить, чтобы онъ простилъ ее. Но ничто не могло отклонить Кураносукэ отъ разъ принятаго рѣшенія, — женѣ пришлось оставить мужа и съ двумя младшими дѣтьми уйти обратно на свою родину. Оиси Цикара остался съ отцомъ.

Шпіоны донесли обо всемъ этомъ безъ утайки Коцуке но Сукэ, а тотъ, когда услышалъ, что Кураносукэ выгналъ изъ дома свою жену и дѣтей и живетъ съ проституткой, что онъ по уши ушелъ въ развратъ и пьянство, подумалъ, что ему уже нечего болѣе бояться вассаловъ Такуми но Ками, которые, по всей вѣроятности, были трусы, не имѣя достаточнаго мужества отомстить за смерть своего господина. Постепенно Коцуке но Сукэ ослабилъ свои мѣры предосторожности: сталъ наблюдать менѣе внимательно за вассалами Такуми но Ками, отослалъ назадъ половину охраны, которая была прислана къ нему его тестемъ Уесуги Сама. Онъ и не подозрѣвалъ, что готовится понасть въ ловушку, подставленную ему Кураносукэ, который, горя жаждой мести за своего господина, не задумался развестись съ собственной женой и отослать отъ себя родныхъ дѣтей.

Такими путями Кураносукэ закрывалъ глаза своего врага на настоящее положеніе вещей, продолжая вести свою наружно безпутную жизнь. Тѣмъ временемъ всѣ его сообщники постепенно собрались въ Іедо и, въ качествѣ работниковъ и мелкихъ торговцевъ, они сумѣли получить доступъ въ домъ Коцуке но Сукэ, гдѣ изучили общій планъ зданія и расположеніе комнатъ, и узнали, кто храбрецъ и честный человѣкъ. Обо всемъ этомъ они безотлагательно сообщали Кураносукэ. И когда, наконецъ, по письмамъ, приходившимъ изъ Іедо, стало ясно, что Коцуке но Сукэ оставилъ всякую бдительность, то Курано Сукэ возрадовался, чувствуя, что день отмщенія насталъ. Назначивши своимъ товарищамъ мѣсто свиданія въ Іедо, онъ тайкомъ скрылся изъ Кіото, обманувши зоркость шпіоновъ своего врага. Такъ всѣ сорокъ семь человѣкъ, подгото вивши все для успѣха своихъ плановъ, терпѣливо ждали подходящаго времени.

Однажды зимой, въ 12-мъ мѣсяцѣ года, выдался особенно холодный день. И вотъ ночью, когда шелъ сильный снѣгъ и была мятель, когда все стихло и мирные жители покоились на своихъ циновкахъ, ронины рѣшили, что трудно ожидать болѣе удобнаго случая для осуществленія своихъ замысловъ. На общемъ совѣтѣ они рѣшили раздѣлаться на двѣ партіи, назначивши

Каждому человѣку его постъ. Одна партія, подъ руководствомъ Оиси Кураносукэ, должна была напасть на переднія ворота, а другая, — подъ предводительствомъ его сына — Оиси Цикара, должна была напасть на заднюю калитку дема Коцуке но Суке. Но такъ какъ Оиси Цикара было всего лишь 16 лѣтъ, то Иосида Цюдзаемонъ былъ приставленъ къ нему въ охранители. Далѣе они условились, что бой барабана, въ который ударитъ Кураносукэ, послужитъ сигналомъ къ одновременному нападенію и что, если кто-нибудь убьетъ Коцуке но Суке и отрубитъ ему голову, то долженъ произвѣстельнымъ свистомъ извѣстить объ этомъ своихъ товарищей, которые тогда поспѣшатъ къ нему и, удостовѣрившись, что голова убитаго дѣйствительно принадлежитъ Коцуке но Суке, отнесутъ ее въ храмъ Сенгакудзи и возложить ее въ видѣ приношенія на могилу своего господина. Послѣ этого они донесутъ о происшедшемъ правительству и будутъ ждать рѣшенія своей участи, — вѣрнѣе, смертнаго приговора, который неминуемо будетъ произнесенъ надъ ними. Исполнить все это изгон тутъ же поклялись всѣ до единого. Дѣло было назначено на полунощный часъ. Сорокъ семь изгоевъ, приготовившись къ нападенію, собрались заблаговременно, чтобы отпраздновать послѣднее прощальное свиданіе, такъ какъ на другой день они должны были умереть и Оиси Кураносукэ, обратившись къ товарищамъ, сказалъ: «Сегодня ночью мы нападёмъ на нашего врага въ его дворцѣ, его вассалы будутъ, конечно, сопротивляться вамъ и мы будемъ вынуждены перебить ихъ всѣхъ. Но убивать стариковъ, женщинъ и дѣтей — жалкое дѣло; поэтому я прошу васъ всѣхъ и каждого быть осторожными, чтобы не убить какъ-нибудь беззащитныхъ людей». Товарищи шумно одобрили его рѣчь и остались ждать полунощнаго часа.

Когда назначенный часъ пробилъ, они выступили. Дулъ сильный вѣтеръ и несъ снѣгъ прямо имъ въ лицо, но они мало обращали вниманія на мятель и поспѣшно шли, горя жаждой мщенія. Наконецъ они подошли къ дому Коцуке но Суке и раздѣлились на двѣ партіи. Цикара съ двадцатью тремя товарищами пошелъ къ заднимъ воротамъ. Четыре человѣка по веревочной лѣстницѣ, которую они прикрѣпили къ крышѣ входныхъ воротъ, забрались внутрь двора и, когда они увидѣли по всему, что обитатели дома спятъ, они вошли въ домъ привратника, гдѣ спала стража и, прежде чѣмъ послѣдняя имѣла время опомниться, они перевязали ее. Перепуганные стражники просили пощадить, по крайней мѣрѣ, ихъ жизнь, на что ронины согласились съ тѣмъ условіемъ, чтобы они выдали имъ ключи отъ воротъ; но имъ, дрожа отъ страха, заявили, что ключи хранятся у одного изъ ихъ начальниковъ и что они не могутъ достать ихъ

при всемъ желаніи. Тогда изгой потеряли терпѣніе, разбили молотомъ на куски большіе деревянные запоры и распахнули настежъ ворота. Цикара и его партія въ тоже время ворвались во дворъ черезъ заднюю калитку. Тогда Оиси Кураносукэ послалъ человѣка въ сосѣдніе дома и велѣлъ сказать: «Мы, ронины, которые прежде были на службѣ у Асанэ Такуми-но Ками, нынѣшней ночью врываемся въ домъ Коцуке но Сукэ, чтобы отомстить ему за смерть нашего господина. Мы — не грабители и не ночные воры и не причинимъ никакого зла сосѣднимъ домамъ. Просимъ васъ не тревожиться». И такъ какъ Коцуке но Сукэ былъ ненавидимъ сосѣдами за свою жадность, то они не соединили свои силы, чтобы оказать ему помощь. Не была забыта и другая предосторожность. Для того чтобы никто изъ находящихся въ домѣ Коцуке но Сукэ не могъ выбѣжать съ цѣлью позвать на помощь родственниковъ, которые могли помѣшать осуществленію плана отмщенія, Кураносукэ послалъ на крышу дома десять человѣкъ, вооруженныхъ луками, съ приказаніемъ стрѣлять во всѣхъ, кто попытается выбѣжать изъ дома. Сдѣлавъ свои послѣднія распоряженія и разставивъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ, Кураносукэ собственноручно ударилъ въ барабанъ, подавая сигналъ къ нападенію.

Десять вассаловъ Коцуке но Сукэ, услыша шумъ, проснулись и, обнаживши мечи, выскочили въ переднюю комнату, чтобы защищать своего господина. Въ это самое время изгой, выломавши дверь, ворвались въ ту же комнату. И тутъ произошла бѣшеная схватка между двумя неравными сторонами, во время которой Цикара, проведя своихъ людей черезъ садъ, проникъ чернымъ ходомъ въ самый домъ. Коцуке но Сукэ въ страхѣ за свою жизнь спрятался вмѣстѣ съ женой и женскою прислужкой въ чуланѣ на верандѣ, а остальные его вассалы, спавшіе въ наружномъ помѣщеніи, приготовились бѣжать на помощь. Между тѣмъ изгой, ворвавшіеся черезъ переднюю дверь, одолѣли и перебили схватившихся съ ними десять вассаловъ, не потерявъ ни одного человѣка; послѣ чего, храбро проложивъ себѣ путь къ задней половинѣ дома, они встрѣтили Цикара и его людей и такимъ образомъ обѣ партіи снова соединились въ одну.

Тѣмъ временемъ и остальные вассалы Коцуке но Сукэ вошли въ домъ и началось общее сраженіе. Кураносукэ, сидя на походномъ сѣдалищѣ, отдавалъ приказанія и руководилъ своими людьми. Вскорѣ вассалы, подчиненные Коцуке но Сукэ, убѣдились, что имъ не справиться однимъ со своими противниками и потому попытались послать за помощью къ тестю Коцуке но Сукэ, — Уесуги Сама; но расположенные на крышѣ дома изгой убивали всѣхъ этихъ гонцовъ. И оставшись безъ помощи, они продолжали биться съ от-

чаяннымъ мужествомъ. Тогда Кураносукэ крикнулъ громкимъ голосомъ: «Коцукэ но Сукэ одинъ намъ врагъ, — пусть кто-нибудь пойдетъ внутрь дома и достанетъ его живымъ, или мертвымъ».

Входя въ комнату, гдѣ спрятались Коцукэ но Сукэ, защищали трое самыхъ храбрыхъ и сильныхъ вассаловъ съ обнаженными мечами. Одному было имя Кобаяси Хехацц, другому—Ваку Хандайю, а третьему—Симидзу Иккаку, всѣ трое славные и вѣрные воины, испытанные въ искусствѣ владѣть мечемъ. Они были такъ сильны и страшны, что держали изгоевъ на почтительномъ разстояніи и разъ даже принудили ихъ отступить назадъ. Когда Оиси Кураносукэ увидѣлъ это, то, заскрежетавъ зубами, въ изступленіи закричалъ: «Какъ?! Развѣ всѣ вы не клялись положить свой животъ, чтобы только отмстить за своего господина, и теперь васъ отбросили назадъ три человѣка?! Подлецы, недостойные имени самурая! Умереть, сражаясь за своего господина — высшая слава и честь для вѣрнаго слуги». И, обратившись къ своему сыну Цикара, онъ сказалъ: «Эй, мальчикъ, поиди на этихъ людей, и если они не подъ силу тебѣ, — умри!»

Вдохновленный этими словами, Цикара схватилъ коня и сразился съ Ваку Хандайю, но не могъ устоять противъ того и, постепенно отступая, очутился въ саду, гдѣ, потерявъ равновѣсіе, скатился въ прудъ. Но когда Хандайю, думая убить его, посмотрѣлъ внизъ на воду, Цикара ударомъ въ ногу свалилъ его на земь и, выкарабкавшись изъ воды, покончилъ съ нимъ. Тѣмъ временемъ Кобаяси Хехацц и Симидзу Иккаку были убиты остальными изгоями и изъ всѣхъ вассаловъ Коцукэ но Сукэ не осталось ни одного способнаго сражаться. Цикара, увидя это, вошелъ съ окровавленнымъ мечемъ въ рукъ въ одну изъ заднихъ комнатъ, ища Коцукэ но Сукэ, но нашелъ тамъ только сына послѣдняго, молодого князя Кира Сахіоэ, который съ алебардой въ рукъ напалъ на него, но былъ раненъ и убѣжалъ. Такимъ образомъ всѣ люди Коцукэ но Сукэ были перебиты и сраженіе окончено. но мѣстопробыванія Коцукэ но Сукэ еще не было найдено и слѣда.

Тогда Кураносукэ раздѣлилъ своихъ людей на нѣсколько партій и велѣлъ имъ искать Коцукэ но Сукэ по всему дому, — но все было напрасно: видны были только плачущія женщины и дѣти. И сорокъ семь уже начали было падать совершенно духомъ, — повидимому, не смотря на всѣ свои понесенные труды, они дали врагу убѣжать и былъ даже одинъ такой моментъ, когда они въ отчаяніи готовы были покончить съ собою на мѣстѣ черезъ хара-кири; но передъ этимъ они рѣшили сдѣлать еще одну попытку.

И вотъ Кураносукэ вошелъ въ спальню Коцукэ но Сукэ и, дотро-

117/11

нувшись руками до одѣяла, воскликнулъ: «я потрогалъ его постель и она еще тепла; мнѣ кажется, что нашъ врагъ недалеко,—онъ, должно быть, скрывается гдѣ-нибудь въ домѣ». Послѣ сего изгоя, почерпнувъ изъ этихъ словъ новую бодрость, возобновили свои поиски.

Близъ почетнаго мѣста, въ возвышенной части комнаты, висѣла картина. Снявши ее, изгоя увидѣли большую дыру въ штукатуренной стѣнѣ; потрогавши тамъ копьемъ, они ничего не нашли. Одинъ изъ рониновъ, по имени Ядзама Дзютаро, рлѣзъ въ дыру и замѣтилъ, что съ другой стороны тамъ находится маленькій дворикъ, въ которомъ стоялъ чуланъ для склада угля и дровъ. Заглянувъ въ чуланъ, онъ увидѣлъ что-то бѣлое въ самомъ концѣ, до чего онъ и дотронулся своимъ копьемъ; въ это самое время два вооруженныхъ человека бросились на него и попытались убить его, но онъ храбро защищался, пока его товарищи не подоспѣли къ нему на помощь и не убили одного изъ нападающихъ, а другого захватили. Между тѣмъ Дзютаро вошелъ въ чуланъ и обшаривалъ весь его копьемъ. Снова замѣтя что-то бѣлое, онъ толкнулъ туда копьемъ и раздавившійся тотчасъ громкій крикъ обнаружилъ, что тутъ былъ человекъ. Когда Дзютаро кинулся на него, то человекъ въ бѣломъ одѣяніи, который былъ раненъ въ бедро, обнажилъ свой мечъ и нанесъ ему ударъ, Дзютаро же вырвалъ изъ рукъ нападающаго мечъ и, схвативши его за шиворотъ, вытащилъ изъ чулана. Когда другіе ронины, приблизившись, стали внимательно разглядывать плѣнника, то увидѣли передъ собою пожилого человека, лѣтъ 60-ти, знатнаго вида, одѣтаго въ бѣлую атласную сорочку, которая была въ крови около бедра отъ раны, нанесенной Дзютаро. Два человека, убѣжденные, что это былъ никто иной, какъ самъ Коцуке но Суке, спросили у него его имя, но онъ не отвѣтилъ имъ; тогда они подали сигнальный свистокъ и всѣ товарищи собрались тотчасъ на ихъ зовъ. Оиси Кураносуке, принеся фонарь, внимательно разсмотрѣлъ всѣ черты пожилого человека и дѣйствительно, это былъ никто иной, какъ Коцуке но Суке, если же нужны были еще дальнѣйшія доказательства, то и они были на лицо—это рана на лбу, которую нанесъ ему ихъ господинъ Асано Такуми но Ками во время ихъ столкновенія во дворцѣ.

Когда всякая ошибка сдѣлалась немыслимой, Оиси Кураносуке опустился на колѣни и, почтительно обратившись къ пожилому человеку, сказалъ: «Ваша Свѣтлость, мы—бывшіе вассалы Такуми но Ками. Въ прошломъ году вы и нашъ господинъ поссорились во дворцѣ, и въ результатъ нашъ господинъ долженъ былъ совершить хара-кири, а его родъ былъ раззоренъ. Сегодня ночью мы пришли отомстить за него, какъ этого требуетъ обязан-

ность всякаго благороднаго и вѣрнаго вассала. Прошу васъ признать правоту нашихъ поступковъ; а теперь умоляю васъ совершить хара-кири, я же самъ буду имѣть честь заступитъ мѣсто вашего помощника и когда со всѣмъ должнымъ смиреніемъ приму голову вашего сіятельства, то намѣренъ отнести ее на могилу Асано Такуми но Ками, въ качествѣ подношенія его духу». Такимъ образомъ ронины, изъ уваженія къ высокому сану Коцуке но Суке, обращались съ нимъ съ величайшей почтительностью и настойчиво убѣждали его нѣсколько разъ совершить хара-кири, но онъ молчалъ и трясся отъ страха. Наконецъ, Кураносуке, видя, что всѣ его увѣщанія, обращенныя къ Коцуке но Суке, — умереть смертью благороднаго человѣка, напрасны, повалилъ его наземь и отрубилъ ему голову тѣмъ самымъ мечемъ, которымъ покончилъ съ собой Асано Такуми но Ками.

Тогда 47-мъ товарищей, гордые сознаниемъ исполненнаго долга, положили голову въ ведро и отправились въ путь; но, прежде чѣмъ оставить домъ, они старательно погасили въ домѣ всѣ огни, чтобы какъ-нибудь случайно не произошло пожара и не пострадали сосѣди. Когда они шли по дорогѣ къ Таканава, предмѣстью, гдѣ находился храмъ Сенгакудзи, то уже стало разсвѣтать; улицы повсюду заполнились народомъ, вышедшимъ посмотреть на 47-мъ человѣкъ, которые, въ окровавленныхъ одеждахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, представляли ужасное зрѣлище, — и всѣ прославляли ихъ, дивясь ихъ храбрости и преданности своему господину. Ронины же ежеминутно ждали, что тестъ Коцуке но Суке нападетъ на нихъ и отниметъ у нихъ голову, — поэтому они были готовы умереть съ мечемъ въ рукѣ. Однако они спокойно достигли Таканава. Такъ какъ Мацудайра Аки-но Ками, одинъ изъ 18 главнѣйшихъ дайміо въ Японіи (покойный Асано Такуми но Ками принадлежалъ къ младшей линіи этого дома), былъ въ высшей степени доволенъ, услыша о событіяхъ послѣдней ночи и приготовился помочь ронинамъ, въ случаѣ нападенія на нихъ, то тестъ Коцуке но Суке не осмѣлился преслѣдовать ихъ.

Около 7 часовъ утра они проходили мимо дворца Мацудайра Муцу но Ками, князя Сендай, который, услышавъ о ихъ подвигѣ, послалъ за однимъ изъ своихъ совѣтниковъ и сказалъ ему: «Вассалы Асано Такуми но Ками убили врага своего господина и теперь проходятъ мимо моего дворца. Я не могу достаточно надивиться ихъ самоотверженности, и такъ какъ они, должно быть, утомились и проголодались послѣ геройскаго ночного дѣла, то пойдите, пригласите ихъ сюда закусить что нибудь и подкрѣпиться стаканомъ вина». Совѣтникъ вышелъ и обратился къ Кураносуке: «Милостивый государь, я — совѣтникъ князя Сендай, и мой господинъ приказалъ

мнѣ просить васъ, такъ какъ вы, должно быть, измучены послѣ всего, что испытали этой ночью, зайти къ нему и отвѣдать скромнаго угощенія, которое мы можемъ предложить вамъ. Вотъ что мнѣ поручено передать вамъ отъ имени моего господина». «Благодарю васъ, милостивый государь, отвѣтилъ Кураносукэ,—доброта и заботливость его свѣтлости очень трогаетъ насъ. Съ благодарностью принимаемъ его любезное приглашеніе».

И вотъ 47 рониновъ вошли во дворецъ, гдѣ ихъ угостили кашей и виномъ, и всѣ приближенные принца Сендай приходили взглянуть на нихъ и хвалили ихъ за ихъ мужество и вѣрность.

Отдохнувъ, Кураносукэ всталъ и, обратившись къ совѣтнику, сказалъ: «Мы въ большомъ долгу у васъ за ваше сердечное гостепріимство; но такъ какъ мы должны еще снѣшить въ Сенгабудзи, то должны смиренно попросить у васъ извиненія за то, что покидаемъ васъ такъ скоро».

И, не разъ поблагодаривши хозяина, они оставили дворецъ Сендай, и поспѣшили въ Сенгабудзи, гдѣ были встрѣчены настоятелемъ монастыря, который вышелъ къ воротамъ привѣтствовать ихъ и проводить на могилу Асано Такуми но Ками. Засимъ, подошедши къ могилѣ своего господина, они обмыли начисто голову Коцукэ но Сукэ въ находившемся рядомъ колодцѣ и возложили ее на могилу Такуми но Ками, въ качествѣ подношенія. Послѣ этого они пригласили священниковъ храма прочесть молитвы; въ это время ронины возжигали куренія,—первымъ Оиси Кураносукэ, потомъ его сыновъ, затѣмъ и каждый изъ 45 остальныхъ исполнилъ тотъ же самый обрядъ. Потомъ Кураносукэ, отдавая всѣ деньги, какія онъ только имѣлъ при себѣ, настоятелю монастыря, сказалъ ему: «Когда мы, 47 рониновъ, совершимъ хара-кири, то просимъ васъ похоронить насъ приличнымъ образомъ. Полагаюсь на вашу доброту. Я могу предложить вамъ лишь ничтожную сумму, но какъ она ни мала, я прошу васъ употребить ее на заупокойныя службы о нашихъ душахъ». И настоятель, дивясь мужеству этихъ людей, со слезами на глазахъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе. 47 рониновъ съ покойной совѣстью терпѣливо ожидали полученія приговора отъ правительства.

Наконецъ, они были призваны въ верховное судилище, куда собрались губернаторы г. Иедо и общественные цензоры, и тамъ имъ былъ объявленъ слѣдующій приговоръ: «Такъ какъ вы, не уважая достоинства города и не боясь правительства, сговорились убить своего врага и насильно ворвались въ домъ Кира Коцукэ но Сукэ ночью и убили его, то рѣшеніе суда таково: за свой дерзкій поступокъ вы должны совершить хара-кири».

Послѣ прочтенія приговора, 47 рониновъ были раздѣлены на четыре партіи и переданы подъ надзоръ четырехъ различныхъ даймю, а во дворцы послѣднихъ были посланы отъ правительства особые уполномоченные, въ присутствіи которыхъ ронины должны были совершить хара-кири. Такъ какъ всѣ они съ самаго начала приготовились къ тому, что ихъ ждетъ такой конецъ, то встрѣтили смерть мужественно. Тѣла ихъ были отнесены въ храмъ Сенгакудзи и похоронены передъ могилою ихъ господина Асаю Такуми но Ками. Когда молва объ ихъ подвигѣ распространилась повсюду, то массы народа стали стекаться поклониться могиламъ этихъ вѣрныхъ вассаловъ.

Между людьми, приходившими сюда помолиться, находился знакомый намъ уроженецъ Сацума. Послѣдній, распростершись передъ могилою Кураносукэ, воскликнулъ: «Когда я нашелъ тебя, лежащимъ пьянымъ на улицѣ Ямасина, въ Кіото, то я не зналъ, что ты въ душѣ готовишь свой планъ мщенія врагу своего господина и, считая тебя за безчестнаго человѣка, я пихнулъ тебя ногою и плюнулъ тебѣ въ лицо. Теперь я пришелъ попросить у тебя прощенія и искупить свою вину предъ тобою». Съ этими словами онъ снова распростерся передъ могилою и, вынувъ свой мечъ, вонзилъ его себѣ въ животъ. Главный священникъ, сжалившись надъ нимъ, похоронилъ его рядомъ съ ронинами, и его могилу до сихъ поръ можно видѣть рядомъ съ могилами 47 рониновъ.

На этомъ и заканчивается исторія 47 вѣрныхъ вассаловъ.

Ужасная картина пылкаго героизма, которой нельзя не удивляться! Въ японскомъ умѣ это чувство удивленія является чистымъ и неподдѣльнымъ; потому то 47 рониновъ получаютъ почти божескія почести. Благочестивыя руки повинны украшаютъ ихъ могилы зелеными вѣтвями и возжигаютъ на нихъ куренія; платье и вооруженіе ихъ заботливо сохраняется въ негараемой кладовой, принадлежащей храму и выставляется ежегодно на показъ восторженнымъ массамъ народа, который взираетъ на эти вещи, вѣроятно, съ неменьшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ христіане на реликвіи, приносимыя изъ святыхъ мѣстъ; и по разу въ 60 лѣтъ монахи въ Сенгакудзи пожинаютъ обильную жатву въ пользу своего храма, устраивая памятную ярмарку, или празднество, на которое стекаются массы народа въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Серебряный ключь однажды допустилъ меня¹⁾ частнымъ образомъ къ осмотру реликвій. Мы были проведены въ заднюю половину обширнаго храма, съ видомъ на одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ миниатюрныхъ садовъ, затѣйливо украшенныхъ искусственными скалами и деревьями карликами, въ которыхъ японцы находятъ особое удовольствіе. Одинъ за другимъ тщательно запечатанные, подписанные и занумерованные ящики, заключавшіе въ себѣ драгоценные предметы, выносились и открывались намъ главнымъ священникомъ. Самодѣльные доспѣхи, составленные изъ кожаныхъ ремней, скрѣпленныхъ желѣзными полосками, свидѣлствуютъ о той скрытности, съ которой ронины приготовлялись къ бою. Покупать новую броню—значило бы обратить на себя вниманіе, поэтому они изготовили ее своими собственными руками. Старая одежда, остатки шлемовъ, три флейты, приборъ для письма,—который долженъ былъ быть уже не совѣмъ новымъ въ эпоху трагедіи, теперь разсыпается на куски—и эти разорванные штаны изъ того, что когда-то было роскошной шелковой матеріей, теперь-же истлѣвшіе и вытертые, ремни изъ кожи, часть старой рукавицы, рукоятки мечей, острія копій и кинжалы, заржавѣвшіе и окровавленные,—все это бережно сохранялось и съ глубокимъ почтеніемъ показывалось намъ. Между этимъ хламомъ попались мнѣ на глаза документы, пожелтѣвшіе отъ времени и сильно потертые въ складкахъ. Одинъ изъ нихъ представлялъ планъ помѣщеній Коцуке но Суке, приобретенный однимъ изъ рониновъ путемъ женитьбы его на дочери строителя дома. Три рукописи показали мнѣ столь любопытными, что я снялъ съ нихъ копіи. Первой изъ нихъ является росписка, данная приближенными сына Коцуке но Суке въ обмѣнъ за голову отца ихъ молодого князя; послѣднюю вернули имъ священники храма. Вотъ она:

Памятная записка.

1. Одна голова.

2. Одинъ бумажный свертокъ.

Вышепоименованныя вещи получены въ цѣлости, въ удостовѣреніе чего выдана настоящая росписка.

Подписи: Саяда Магобен.

Савто Кунаи.

Священникамъ храма Сенгакудзи: Его преподобію Секиси.

» » Ицидонъ.

¹⁾ Авторъ англійской версіи этой японской былъ А. В. Mitford.

Второй документъ объясняетъ все поведеніе рониновъ; копію его носилъ при себѣ каждый изъ 47.

Вотъ онъ:

Въ прошломъ году, въ 3-мъ мѣсяцѣ, Асано Такуми но Ками, состоя при особѣ императорскаго посланника, силою обстоятельствъ былъ вынужденъ напасть на его сіятельство, Коцуке но Суке, въ замѣтъ, съ цѣлью отомстить за оскорбленія, нанесенныя ему послѣднимъ. Какъ оскорбившій достоинство мѣста и нарушившій всѣ правила приличія, онъ былъ приговоренъ къ хара-кири, а его имущество и замокъ Ако были конфискованы правительствомъ и переданы приближенными умершаго чиновникамъ, отряженнымъ сіюгуномъ для пріема ихъ. Послѣ этого всѣ его приближенные разсѣялись. Во время ссоры присутствовавшіе высокіе сановники помѣшали Асано Такуми но Ками привести въ исполненіе намѣреніе убить своего врага, Коцуке но Суке. И такъ Асано Такуми умеръ, не отомстивши за себя и это было болѣе нежели могли снести его приближенные. Не возможно оставаться подъ однимъ небомъ съ врагомъ своего господина, или отца,—по этой причинѣ мы осмѣлились объявить свою вражду къ лицу столь высокаго сана. Сегодня мы нападаемъ на Кира Коцуке но Суке для завершенія дѣла мести, начатаго еще нашимъ покойнымъ господиномъ. Если кто нибудь найдетъ наши тѣла послѣ смерти, то мы почтительно просимъ его вскрыть и прочитать этотъ документъ. 15-ый годъ правленія Генроку, 12-ый мѣсяцъ.

Подписи: Оиси Кураносукэ, приближенный Асано Такуми но Ками и 46 рониновъ.

Третій документъ—это бумага, которую 47 рониновъ возложили на могилу своего господина вмѣстѣ съ головой Кира Коцуке но Суке. 15-ый годъ Генроку, 12-ый мѣсяцъ, 15-ый день. Мы пришли сюда съ цѣлью засвидѣтельствовать свой долгъ вѣрности и уваженія 47 рониновъ—всего на всего отъ Оиси Кураносукэ до Терасаха Кихійемонъ, всѣ готовые съ радостью положить нашу жизнь за вашу милость. Мы почтительно объявляемъ это почитаемому духу нашего господина. 14-го мѣсяца прошлаго года нашему господину было угодно напасть на Кира Коцуке но Суке, по какой причинѣ,—мы не вѣдаемъ. Нашъ уважаемый господинъ положилъ самъ конецъ своей собственной жизни, но Кира Коцуке но Суке остался живъ. Хотя мы боимся, что послѣ указа, объявленнаго правительствомъ, этотъ нашъ заговоръ можетъ не понравиться нашему господину, но для того чтобы мы, которые ѣли вашъ хлѣбъ, не краснѣя, могли говорить слова: «Ты

не долженъ жить подъ однимъ небомъ съ врагомъ своего отца, или господина» и могли бы смѣло встрѣтиться съ вами въ раю, мы должны были довести дѣло отмщенія, начатое вами, до конца. Каждый день ожиданія этого момента казался намъ тремя осенями. Одряхлѣвшіе и измученные, больные и страждущіе, мы пришли, чтобы съ радостью положить наши жизни здѣсь. Люди могли смѣяться надъ нами, какъ надъ кузнечикомъ, вѣрящимъ въ силу своихъ мышцъ, и тѣмъ могли пристыдить нашего господина; но мы не могли остановиться въ начатомъ дѣлѣ мщенія и, сговорившись вчера ночью, привели сюда Коцуке но Сукэ къ вамъ на могилу. Кинжалъ, которому придалъ такую великую цѣнность нашъ уважаемый господинъ въ прошломъ году¹⁾ и довѣрилъ его нашимъ заботамъ, мы возвращаемъ теперь обратно. Если вашъ благородный духъ теперь присутствуетъ здѣсь передъ этой могилой, то мы молимъ васъ, въ знакъ этого, взять этотъ кинжалъ и, ударивъ имъ вторично по головѣ вашего врага, навсегда разсѣять ненависть, скопившуюся въ вашемъ сердцѣ. Таковъ почтительный докладъ 47 ронинновъ.

III.

МЕСТЬ КАДЗУМЫ.

Есть законъ, по которому тотъ, кто живетъ мечемъ, отъ меча и погибаетъ. Въ Японіи, гдѣ не такъ еще давно существовалъ многочисленный вооруженный классъ, надъ которымъ фактически или вовсе не было никакой власти, или если и была, то въ весьма слабой степени,—распри между партіями и кланами и ссоры между отдѣльными лицами, заканчивавшіяся нерѣдко кровопролитіемъ и смертоубійствомъ составляли повседневное явленіе. Отсюда слѣдуетъ, что изъ всего того, чѣмъ владѣлъ самурай, наибольшую цѣнность онъ придавалъ мечу,—своему вѣрному союзнику, неизмѣнному товарищу, защитнику и обидчику. Цѣна мечей, которые дѣлались знаменитыми мастерами, достигала очень высокой суммы: у японскаго вельможи и теперь еще можно встрѣтить мечъ, нѣкогда красовавшійся за его поясомъ, одинъ клинокъ котораго, безъ рукоятки, стоилъ прежде отъ 600—1000 рю, на наши деньги 2000—3000 рублей, а рукоятка, богатой металлической чеканки, соотвѣтствовала цѣности клинка. Эти мечи передаются, какъ фа-

¹⁾ Этотъ кинжаломъ Асано Такуми но Ками совершилъ надъ собою хара-кири.

милъная драгоцѣнность, отъ отца къ сыну и дѣлается почти нераздѣльной частью обладателя. Іеясу, основатель послѣдней сіюгунской династіи, въ своемъ «завѣщаніи» — (сводъ правилъ, составленныхъ имъ для руководства своимъ наслѣдникамъ и ихъ совѣтникамъ, по управленію страной), говоритъ: «Мечъ, который самурай носить за поясомъ, есть его живая душа. Тотъ, кто потеряетъ свой мечъ, безъ пощады долженъ быть наказанъ» (37 ст.) Занятіе ковкой мечей являлось почетной профессіей — которой посвящали себя люди благородной крови. Въ странѣ, гдѣ на занятіе торговлей смотрѣли свысока, странно найти это единственное исключеніе изъ общаго правила. Преданій, которыя такъ или иначе связаны съ выдѣлкой мечей, не мало и многія изъ нихъ любопытны. Во время самаго критическаго момента процесса выковки меча, именно, когда стальное лезвіе его сплавляется во едино съ желѣзнымъ клинкомъ, существовалъ обычай, свято соблюдавшійся среди мастеровъ стараго вѣка, надѣвать шапку и парадное платье, носимое «куге», т. е. придворными вельможами и, затворивши двери мастерской, работать вдаль отъ нескромныхъ взоровъ и докучливаго любопытства, при чемъ царившій полумракъ лишь усиливалъ таинственность манипуляцій. Бывало, что вся церемонія облакалась даже въ извѣстную форму священнодѣйствія, причемъ соломенная веревка, украшенная кистями, въ родѣ тѣхъ, что вѣшаются передъ алтарями ками, или туземныхъ божествъ Японіи, подвѣшивалась между двумя бамбуковыми шестами въ горнѣ, который на это время обращался въ священный алтарь. Острота лезвія японскаго меча достаточно извѣстна. Хорошій мечъ въ рукѣ опытнаго человѣка, говорятъ, разрубаетъ однимъ ударомъ три мертвыхъ тѣла, положенныхъ одно на другое. Острота мечей сіюгуна бывало пробовалась на тѣлахъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Собаки и нищіе, безпомощно лежавшіе на краю дороги, не рѣдко служили предметами для пробы мечей разныхъ негодяевъ. Палачъ не мало зарабатывалъ отъ тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть, какъ ихъ клинки будутъ рубить голову казнимаго.

Слѣдующій разсказъ болѣе, чѣмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ «исторія одного меча».

Около 250 лѣтъ тому назадъ Икеда Кунайсію былъ владѣтельнымъ княземъ провинціи Инаба. Между его приближенными были два человѣка по имени Ватанабе Юкіе и Каваи Матадзаемонъ, которые были связаны крѣпкими узами дружбы и часто, бывало, посѣщали другъ друга. Однажды Юкіе сидѣлъ и разговаривалъ съ Матадзаемонъ въ домѣ послѣдняго и вотъ его взоръ внезапно остановился на мечѣ, лежавшемъ въ возвышенной части

комнаты. Увидавъ его, онъ вздрогнулъ и поспѣшно спросилъ Матадзаемонъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы достали этотъ мечъ?

— Вы знаете, вѣдь, что нашъ князь Икеда, подъ предводительствомъ Токугава Іеясу, сражался при Нагакуде; мой отецъ сопровождалъ князя и участвовалъ въ этой битвѣ; тамъ, на полѣ сраженія, онъ и подобралъ этотъ мечъ.

— Мой отецъ также отправился туда и былъ убитъ въ битвѣ. — Этотъ самый мечъ, бывшій у насъ фамиліею драгоцѣнностью въ теченіе многихъ поколѣній, былъ потерянъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ какъ въ моихъ глазахъ онъ имѣетъ большую цѣнность, то я прошу васъ быть настолько добрымъ ко мнѣ — возвратитъ его мнѣ, если это не составляетъ для васъ чего либо особеннаго.

— Это очень легко сдѣлать и во всякомъ случаѣ не больше того, что одинъ другъ можетъ сдѣлать для другого. Возьмите, пожалуйста, этотъ мечъ себѣ.

Послѣ этого Юкіе съ благодарностью взялъ мечъ и, принеся домой, заботливо спряталъ его.

Въ началѣ слѣдующаго года Матадзаемонъ заболѣлъ и умеръ, а Юкіе, горько оплакавши потерю своего добраго друга, въ благодарн сть за то, что получилъ отъ него мечъ своего отца, оказалъ не мало услугъ сыну умершаго друга, — юношѣ 22 лѣтъ отъ роду, по имени Матагоро.

Матагоро-же, будучи дряннымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, жалѣлъ о томъ, что его отецъ отдалъ мечъ Юкіе и часто заявлялъ при всѣхъ, что Юкіе не сдѣлалъ никакого подарка взаменъ меча. Такимъ путемъ, благодаря навѣтамъ Матагоро, Юкіе пріобрѣлъ дурную репутацію при дворцѣ своего патрона, какъ неблагодарный и скупой человѣкъ.

Юкіе имѣлъ сына, по имени Кадзума, юношу 16 лѣтъ отъ роду, который состоялъ въ качествѣ почетнаго пажъ при молодомъ князѣ. Какъ-то вечеромъ онъ и еще одинъ пажъ разговаривали между собою и вотъ послѣдній сказалъ:

— Матагоро всемъ рассказываетъ, что вашъ отецъ получилъ отъ его отца хорошій мечъ, а тотъ взаменъ даже не сдѣлалъ ему никакого подарка и вотъ люди начинаютъ что-то много сплетничать по этому поводу. Что это значитъ?

— Правда, отвѣтилъ Кадзума, мой отецъ получилъ мечъ отъ отца Матагоро въ знакъ дружбы и благорасположенія. Предполагая, что онъ

можетъ оскорбить друга, пославши ему денежный подарокъ, онъ не сдѣлалъ этого, свою же благодарность онъ постарался выразить той добротой, съ которой отнесся къ осиротѣвшему Матагоро. Я думаю, что Матагоро хочетъ денегъ.

Когда обязанности Кадзумы во дворцѣ окончились, онъ, возвратясь домой, разсказалъ своему отцу о томъ, что слышалъ во дворцѣ, и просилъ его при этомъ послать щедрый денежный подарокъ Матагоро.

Юкіе подумалъ и сказалъ:

— Ты слишкомъ молодъ для того, чтобы хорошо разобраться въ этомъ дѣлѣ. Отецъ Матагоро и я были очень дружны; за то, что онъ съ полной готовностью возвратилъ мнѣ мечъ моихъ предковъ, я думалъ, отплатить ему послѣ смерти, оказавъ важныя услуги Матагоро. Правда, можно легко покончить съ этимъ дѣломъ, пославши денежный подарокъ, но я лучше возвращу мечъ, чѣмъ буду чувствовать себя обязаннымъ низкому человѣку, который не знаетъ правилъ приличія, принятыхъ и руководящихъ всѣми поступками и дѣйствіями людей хорошаго происхожденія.

И вотъ Юкіе, въ своемъ негодованіи, взялъ мечъ, отнесъ его къ Матагоро и сказалъ ему:

— Я пришелъ къ вамъ такъ поздно, ночью, именно съ тѣмъ, чтобы возвратить мечъ, который вашъ отецъ нѣкогда отдалъ мнѣ и съ этими словами онъ положилъ мечъ передъ Матагоро.

— Вотъ какъ, отвѣчалъ Матагоро, я надѣялся, что вы не обидите меня, вернувши подарокъ, который сдѣлалъ вамъ мой отецъ.

— Между людьми благородными, сказалъ Юкіе съ презрительной усмѣшкой, принято отплачивать за подарки прежде всего сердечной добротой, а потомъ уже соотвѣствующимъ даромъ отъ чистаго сердца. Но что говорить съ вами объ этомъ, такъ какъ вы не знакомы даже съ основными началами хорошаго воспитанія. Имѣю честь возвратить вамъ мечъ.

Такъ какъ Юкіе продолжалъ осыпать Матагоро горькими укоридами, то послѣдній, не помня себя отъ ярости и, будучи злодѣемъ въ душѣ, чуть было не убилъ Юкіе на мѣстѣ; но онъ во время спохватился. Такъ какъ послѣдній, не смотря на свои лѣта, очень искусно владѣлъ мечемъ, то Матагоро, скрѣпя сердце, рѣшилъ подождать случая напасть на него врасплохъ. Не подозрѣвая никакого предательства, Юкіе поднялся идти домой, Матагоро же, подъ предлогомъ проводить его до двери, шелъ позади него и вдругъ, внезапно обнаживъ мечъ, ударилъ имъ въ плечо Юкіе. Старикъ,

мигомъ обернувшись, сталъ было защищаться, но, получивъ въ самомъ началѣ тяжелую рану, скоро ослабѣлъ отъ потери крови и упалъ, а Матагоро тутъ же прикончилъ его.

Мать Матагоро, привлеченная шумомъ, вышла и когда увидѣла, что случилось, то очень испугалась и сказала:

— Несчастный! Что ты надѣлалъ! Ты убилъ человѣка и теперь долженъ лишиться жизни! Что за ужасное дѣло!

— Теперь ужъ ничего не подѣлаешь, — я убилъ его. Идемъ, матушка, убѣжимъ скорѣе изъ дому, прежде чѣмъ кто-либо узнаетъ объ этомъ.

— Я пойду за тобой слѣдомъ, ты-же ступай и отыщи Абе Сирогоро, начальника подзнаменныхъ, который былъ моимъ пріемнымъ сыномъ. Теперь тебѣ лучше всего будетъ бѣжать къ нему и просить его защиты. Главное же — не показывайся на людяхъ.

Случилось, что въ это время подзнаменные образовали между собою союзъ противъ могущественныхъ даймю. Абе Сирогоро съ двумя другими знатными хатамото, по имени Кондо Нобориносукэ и Мидзуно Дзюродзаемонъ, стоялъ во главѣ союза и всего предпріятія. Отсюда слѣдуетъ, что силы его нерѣдко увеличивались порочными людьми, которые, не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ существованію, ничего не проигрывали, рискуя своей жизнью и которыхъ принимали, не спрашивая о предшествовавшей ихъ жизни. Абе Сирогоро тѣмъ болѣе охотно оказалъ свое покровительство и гарантировалъ противъ всякой опасности сына своей пріемной матери, когда тотъ обратился къ нему съ просьбою, дать ему пріютъ у себя во дворцѣ. Призвавши другихъ своихъ сотоварищей, онъ представилъ имъ Матагоро, говоря:

— Этотъ человѣкъ — приближенный Икеда Кунаисію; разсердившись на нѣкоего, по имени Ватанабе Юкіе, онъ убилъ его и теперь пришелъ искать моего покровительства. Мать его воспитала меня въ дѣтствѣ и правъ онъ, или неправъ, — все равно я долженъ оказать ему услугу. И если Икеда Кунаисію пришлетъ ко мнѣ требованіе возратить этого молодого человѣка, я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ своей помощи для его защиты.

— Что-жъ! Мы готовы и съ удовольствіемъ, сказалъ Кондо Нобориносукэ. Съ нѣкотораго времени у насъ набралось не мало причинъ жаловаться на презрѣніе, съ которымъ даймю относятся къ намъ. Пусть Икеда Кунаисію попробуетъ послать за этимъ молодымъ человѣкомъ, — мы покажемъ ему силу подзнаменныхъ!

Всѣ другіе подзнаменныя въ одинъ голосъ одобрили это рѣшеніе и приготовились съ оружіемъ въ рукахъ защищать Матагоро, если бы Кунаисію обратился къ нимъ съ требованіемъ выдать бѣглеца. И послѣдній оставался, какъ желанный гость, въ домѣ Абе Сирогоро.

Когда Ватанабе Кадзума увидѣлъ, что ночь быстро проходитъ, а отецъ все еще что то не возвращается, то естественно почувствовалъ себя озабоченнымъ и, въ поискахъ за отцемъ, пошелъ въ домъ Матагоро, гдѣ найдя его, къ своему ужасу, убитымъ, упалъ на его тѣло и обнялъ его, горько рыдая. Внезапно, въ его головѣ промелькнула мысль, что это — дѣло рукъ Матагоро. Онъ тотчасъ, какъ бѣшеный, бросился во внутреннія комнаты его дома, рѣшивъ положить убійцу своего отца на мѣстѣ. Но Матагоро уже убѣжалъ и онъ нашелъ только мать, дѣлавшую приготовленія къ побѣгу вслѣдъ за сыномъ. Тогда онъ связалъ старуху, а самъ сталъ искать по всему дому ея сына; убѣдившись, что его поиски безплодны, онъ отнесъ мать убійцы къ старѣйшинамъ клана, въ то-же время показавъ на Матагоро, какъ на убійцу своего отца. Когда это стало извѣстно князю, онъ былъ страшно разгнѣванъ и приказалъ старуху заключить такъ, какъ она была, связанной, въ темницу и держать ее тамъ до тѣхъ поръ, пока не откроется мѣстопробываніе ея сына.

Что до Кадзумы, то онъ похоронилъ тѣло своего отца съ большою пышностію и вмѣстѣ съ овдовѣвшей матерью глубоко оплакивалъ свою потерю.

Скоро подзнаменнымъ Абе Сирогоро стало извѣстно, что мать Матагоро заключена въ тюрьму за преступленіе ея сына; и вотъ они немедленно составили планъ для ея освобожденія. Съ этой цѣлью они отправили во дворецъ князя Кунаисію гонца, который, будучи введенъ къ совѣтнику князя, сказалъ:

— Мы слышали, что вслѣдствіе убійства Юкіе, по приказанію вашего господина, была заключена въ тюрьму мать Матагоро. Нашъ господинъ Сирогоро арестовалъ преступника и готовъ передать его вамъ; мать же его не совершила никакого преступленія и мы просимъ васъ, освободить ее отъ жестокаго заключенія: она была пріемной матерью нашего господина и онъ ходатайствуетъ объ ея освобожденія, опасаясь, какъ бы заключеніе не убило ее. Если вы согласитесь на это, то мы, съ своей стороны, выдадимъ преступника и передадимъ его вамъ передъ домомъ нашего господина завтра.

Совѣтникъ передалъ это предложеніе князю, которому было очень пріятно, что онъ въ состояніи такъ скоро дать возможность Кадзумѣ отомстить врагу. Получивъ согласіе князя, гонецъ, увѣренный въ успѣхѣ дѣла,

торжествующій, возвратился къ своимъ. На слѣдующій день князь приказалъ въ носилкахъ отнести мать Матагоро въ домъ начальника подзнаменныхъ въ сопровожденіи приближеннаго Сасава Даніемонъ, который, достигнувъ воротъ у дверей дома Абе Сирогоро, сказалъ:

— Мнѣ поручено передать вамъ мать Матагоро, взамѣнъ сего я уполномоченъ получить отъ васъ ея сына.

— Мы сей-часъ его выдадимъ, отвѣтили ему, только просимъ васъ немного обождать, такъ какъ мать и сынъ теперь должны попрощаться на вѣки.

Съ этими словами приближенные Сирогоро проводили старуху во внутреннія комнаты, а Сасава Даніемонъ остался ожидать снаружи, пока, наконецъ, не потерялъ терпѣнія и попытался поторопить людей въ домъ.

— Мы очень благодарны вамъ за то, что вы привели сюда мать; но такъ какъ сынъ ея не можетъ теперь идти съ вами, то лучше было бы вамъ самимъ поскорѣе вернуться домой. Мы боимся, что и безъ того уже причинили вамъ много хлопотъ и безпокойства, за которыя униженно просимъ прощенія.

Такъ они издѣвались надъ нимъ.

Когда Даніемонъ увидѣлъ, что его не только заставили обманомъ выдать старую женщину, но въ довершеніе этого надъ нимъ еще надругаются, онъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и былъ готовъ силой ворваться въ домъ, схватить Матагоро и его мать; но, заглянувши во дворъ, онъ увидѣлъ, что тотъ былъ полонъ подзнаменными, вооруженными ружьями и обнаженными мечами. Не чувствуя особой охоты умереть въ неравной борьбѣ и въ то же время понимая, что послѣ этого ему стыдно будетъ показаться на глаза князю Сасава, онъ пошелъ на кладбище и тамъ совершилъ хара-кири передъ могилами своихъ предковъ.

Когда князь узналъ, какъ обошлись съ его посланнымъ, то весьма разгнѣвался и, по совѣщаніи со своими совѣтниками, рѣшилъ, не смотря на свою болѣзнь, собрать всѣхъ своихъ людей и напасть на Абе Сирогоро. Другіе главные даймю, послѣ того какъ это дѣло стало общеизвѣстнымъ, приняли его сторону и рѣшили, что за такое нахальство подзнаменные должны быть наказаны. Съ своей стороны, подзнаменные напрягли всѣ свои силы, чтобы дать надлежащій отпоръ даймю.

Такимъ-то образомъ спокойствіе въ Іедо было возмущено и мятежное состояніе города причиняло много безпокойства правительству, которое было

озабочено тѣмъ, какъ лучше возстановить порядокъ. Такъ какъ подзнаменныя непосредственно были подчинены сіюгуну, то было не трудно усмирить ихъ, но труднѣе было рѣшить вопросъ, — какъ наложить узду на великихъ дайміо.

Тогда одинъ изъ пяти совѣтниковъ сіюгуна, по имени Мацуданра Идзу но Ками, человѣкъ очень умный, составилъ планъ, какъ уладить это дѣло. Въ то время на службѣ у сіюгуна находился докторъ, по имени Накаран Цу сень, который былъ принятъ въ домъ князя Кунаисію и который съ нѣкоторыхъ поръ пользовалъ князя отъ болѣзни, которой тотъ страдалъ. Идзу но Ками послалъ секретно за докторомъ и, пригласивъ его въ свои частные покои, завелъ съ нимъ бесѣду, посреди которой внезапно понизилъ голосъ и сказалъ шепотомъ:

— Послушайте, Цу сень, вы за свою вѣрность удостоились большихъ милостей отъ сіюгуна. Въ настоящее время правительство поставлено въ затруднительное положеніе, — согласны-ли вы теперь доказать ему свою вѣрность цѣной жизни?

— О, мой господинъ, я и мой родъ всеѣмъ владѣемъ по милости сіюгуна. Я готовъ хоть сегодня ночью положить свою жизнь за государя, какъ и долженъ всякій вѣрный его вассалъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу вотъ что. Великіе дайміо и подзнаменные столкнулись въ дѣлѣ Матагоро и теперь, по всему видно, что это дѣло не обойдется безъ кровопролитія. Страна будетъ возмущена, земледѣльцы, ремесленники и горожане потерпятъ большую нужду и лишенія, если мы не укротимъ мятежъ. Подзнаменныхъ легко будетъ обуздать, но не такъ легко сдѣлать это съ дайміо. Если вы согласны пожертвовать своей собственной жизнью для выполненія придуманнаго мною плана, то спокойствіе будетъ возстановлено въ странѣ, но имѣйте въ виду — ваша вѣрность будетъ стоить жизни.

— Я готовъ пожертвовать своей жизнью для блага страны.

— Вотъ мой планъ. Вы лечите господина Кунаисію, — завтра вы должны пройти къ нему и положить ядъ въ его лѣкарство. Если онъ умретъ, то мятежъ прекратится. Вотъ услуга, о которой я васъ прошу.

Цусень согласился на это и на слѣдующій день, когда пришелъ къ Кунаисію, то принесъ съ собой отравленное лѣкарство. Половину его онъ выпилъ самъ¹⁾, а остальное далъ князю и тотъ выпилъ его безбоязненно.

¹⁾ Доктора, пользующіе пациентовъ изъ высшаго круга, должны были пробовать лѣкарство сами прежде чѣмъ дать его больному.

Цусенъ, увидя это, поспѣшилъ домой. Уже въ дорогѣ, въ носилкахъ, его схватила предсмертная огоня и онъ такъ и умеръ, не увидѣвъ своего дома. Князь Кунаисію умеръ такимъ же образомъ въ большихъ мученіяхъ и за переполохомъ, вызваннымъ его смертью и погребальными церемоніями, угрожавшая борьба съ подзнаменными была отерочена.

Тѣмъ временемъ совѣтникъ, Идзу но Ками, призвалъ трехъ вождей подзнаменныхъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Секретные заговоры, измѣническое поведеніе, недостойное васъ, какъ подзнаменныхъ, возмутило нашего господина сіюгуна въ такой степени, что ему было угодно приказать, чтобы вы были заключены въ храмъ,—ваши же родовыя псмѣтья будутъ переданы вашимъ прямымъ наследникамъ.

Согласно съ сдѣланнымъ извѣщеніемъ, три подзнаменныхъ были заключены въ храмъ Канейдзи, остальные же подзнаменные, уstraшенные ихъ судьбой, примирѣли. Что касается великихъ дайміо, то, такъ какъ послѣ смерти князя Кунаисію, подзнаменные стихли, то не оставалось болѣе врага, съ которымъ они могли бы воевать. Возмущеніе такимъ образомъ было предотвращено и порядокъ возстановленъ

Такимъ образомъ Матагоро потерялъ своего патрона; поэтому онъ взявши свою мать, покинулъ дворецъ Сирогоро и устроился подъ защитой одного стараго человѣка по имени Сакураи Дзюдзаемонъ. Этотъ человѣкъ былъ знаменитымъ учителемъ фехтованія, былъ богатъ и всѣми уважаемъ. Принявъ къ себѣ Матагоро, онъ нанялъ охрану изъ 30 рониновъ;—все это были рѣшительные люди, очень опытные въ военномъ искусствѣ и всѣ они бѣжали вмѣстѣ въ отдаленную мѣстность Сагара.

Все это время Ватанабе Кадзума глубоко чувствовалъ обиду за смерть своего отца и раздумывалъ, какъ бы ему отомстить за его убійство. Когда князь Кунаисію внезапно умеръ, онъ пошелъ къ молодому наследнику и у него выпросилъ согласіе на свой отъездъ, съ цѣлью итти искать своего врага. Сестра Кадзумы была за мужемъ за Араки Матаемонъ, который славился, какъ самый первый по искусству владѣть мечемъ во всей Японіи. Такъ какъ Кадзумъ было всего 16 лѣтъ отъ роду, то Матаемонъ, будучи въ близкомъ родствѣ съ Кадзумой, какъ его зять, рѣшилъ идти съ молодымъ человѣкомъ и помогать ему отыскивать Матагоро. Двое приближенныхъ Матаемона, Исидоме Вусуке и Икедзое Магохацци, рѣшили слѣдовать за своимъ господиномъ. Когда послѣдній услышалъ объ ихъ намѣреніи, то поблагодарилъ ихъ, но отказался отъ ихъ услугъ, говоря, что и

самъ-то онъ пускается въ слишкомъ рискованное предпріятіе, въ которомъ его жизнь будетъ постоянно подвержена большимъ опасностямъ и что его очень опечалило бы, еслибы хоть одинъ изъ нихъ получилъ рану на подобной службѣ, а поэтому онъ проситъ ихъ отказаться отъ своего намѣренія; но они отвѣчали:

— Господинъ, для насъ это очень тяжело слышать. Всѣ эти годы мы съ вашей стороны видѣли къ себѣ только доброту и любовь; теперь же, когда вы рѣшили преслѣдовать убійцу, мы желаемъ слѣдовать за вами и, если будетъ нужно, то готовы положить за васъ свои головы. Мы слышали, что друзей у Матагоро не менѣе 36 человекъ и какъ бы вы мужественно не сражались, вы, несомнѣнно, будете находиться въ большой опасности вслѣдствіе численнаго перевѣса враговъ. Если же вамъ будетъ угодно настаивать на своемъ намѣреніи—отказать намъ въ чести слѣдовать за вами, то для насъ нѣтъ другого исхода, какъ совершить хара-кири на мѣстѣ.

Когда Матамонъ и Кадзума услышали эти слова, то были очень удивлены храбростью и мужествомъ этихъ людей и тронуты до слезъ ихъ преданностью. Матамонъ сказалъ:

— Ваши смѣлость и любовь являются, по истинѣ, безпримѣрными. Я принимаю ваши услуги съ благодарностью.

И вотъ эти два человека, добившись, чего желали, радостно послѣдовали за своимъ господиномъ. И вчетверомъ они отправились въ свои поиски за Матагоро, о мѣстопробываніи котораго они были въ полномъ невѣдѣніи. Матагоро между тѣмъ съ Сакураи Дзюдзаемонъ и 30 другими ронинами прибылъ въ Осаку. Несмотря на все свое численное превосходство, они путешествовали съ большой скрытностью. Дѣло въ томъ, что младшій братъ Дзюдзаемона, Сакураи Дзинсуке, профессиональный учитель фехтованія, однажды дрался на поединкѣ съ Матамонъ, зятемъ Кадзумы и со стыдомъ былъ побитъ послѣднимъ. Поэтому вся компанія сильно опасалась Матаемона, чувствуя, что послѣ того, какъ онъ принялъ сторону Кадзумы и сталъ у него на роли защитника, то они могутъ еще быть побиты, не смотря на перевѣсъ въ числѣ; вотъ почему они шли съ большой осторожностью и, пришедши въ Осаку, остановились въ гостинницѣ, расположенной въ кварталѣ Икутама, и спрятались тамъ отъ Кадзумы и Матамонъ.

Кадзума же съ Матамономъ черезъ нѣкоторое время также пришли въ Осаку и прилагали всѣ старанія, чтобы отыскать Матагоро. Однажды, подъ вечеръ, когда, Матамонъ шелъ по кварталу, гдѣ прятались его вра-

ги, онъ увидѣлъ человѣка въ одеждѣ слуги знатнаго господина, который зашелъ въ кухмистерскую и заказалъ ужинъ на 36 человѣкъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе къ тому человѣку, Матамонъ узналъ въ немъ слугу Сакураи Дзюдзаемонъ. Тогда онъ спрятался въ темномъ мѣстѣ, чтобы лучше наблюдать и слышать, какъ слуга сказалъ:

— Мой господинъ Сакураи Дзюдзаемонъ намѣревается отправиться завтра утромъ въ Сагару для того, чтобы принести благодарность богамъ за избавленіе отъ болѣзни, которою онъ долго страдалъ. Поэтому мнѣ надо очень спѣшить.

Съ этими словами слуга поспѣшно удалился, Матамонъ же вошелъ въ кухмистерскую, спросилъ себя поѣсть и, за ѣдой, спросилъ о человѣкѣ, который сдѣлалъ только что такой большой заказъ. Хозяинъ лавки отвѣтилъ, что это слуга 36 господъ, которые остановились въ такой-то гостинницѣ. Тогда Матамонъ, разузнавъ все, что ему было нужно, вернулся домой и рассказалъ все Кадзумъ, который былъ очень обрадованъ, при мысли возможности осуществить свою месть на слѣдующій день.

Въ тотъ же вечеръ Матамонъ подослалъ одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ въ гостинницу, поручивъ ему узнать, въ которомъ часу Матагоро долженъ выѣхать на слѣдующее утро; и тотъ узналъ отъ слугъ въ гостинницѣ, что компанія отправится на другой день съ разсвѣтомъ въ Сагару, съ остановкой по пути въ Исе, для поклоненія въ храмъ Терсіо Дайдзинъ.

Сообразно съ этимъ Матамонъ сдѣлалъ свои приготовленія и, въ сопровожденіи Кадзумы и двухъ приближенныхъ, выступилъ въ путь передъ разсвѣтомъ. По ту сторону Уено, замка дайміо Тодо Идзumi но Ками, въ провинціи Ига, существуетъ большое пустынное болото; на этомъ мѣстѣ было рѣшено напасть на врага.

Когда они прибыли къ этому мѣсту, то Матамонъ вошелъ въ чайный домикъ, стоявшій у дороги и тамъ написалъ просьбу къ правителю дайміоскихъ владѣній о позволеніи совершить дѣло отомщенія въ предѣлахъ земель его господина. Послѣ этого онъ обратился къ Кадзумъ и сказалъ:

— Когда мы встрѣтимся съ Матагоро и сразимся съ нимъ, то вы должны напасть и убить убійцу вашего отца; нападайте на него и имѣйте дѣло только съ нимъ, а я уже задержу самъ его охрану рониновъ. Обравившись затѣмъ къ своимъ слугамъ, онъ продолжалъ:

— Что касается васъ, то вы смотрите за Кадзумой и, если ронины попытаются спасти Матагоро, то ваша обязанность помѣшать имъ въ этомъ



и помочь Кадзумѣ». Далѣ послѣ того какъ онъ разъяснилъ обязанности каждаго изъ нихъ до самой послѣдней мелочи. всѣ они стали ожидать непріятеля, сидя въ чайномъ домикѣ. Въ то время какъ они тамъ отдыхали, прибылъ правитель замка и, вызвавши Матамона, сказалъ ему:

— Я имѣю честь быть правителемъ замка Тодо Идзуми но Ками. Мой господинъ, услышавъ о вашемъ намѣреніи убить врага въ предѣлахъ его владѣній, дать свое согласіе и въ знакъ своего удивленія передъ вашей храбростью и вѣрностью, посылаетъ со мной отрядъ пѣхоты въ 100 человекъ для того, чтобы оградить мѣсто на случай побѣга кого-либо изъ 36 человекъ.

Матамонъ и Кадзума выразили правителю сердечную благодарность за милостивую доброту его господина, послѣ чего тотъ попрощался съ ними и уѣхалъ.

Наконецъ, поѣздъ непріятеля показался вдали. Первымъ ѣхалъ Сакураи Дзюдзаемонъ и его младшій братъ Дзинсуке, тотчасъ за ними слѣдовали Каваи Матагоро и Такеноуци Гейтонъ. Эти четыре человека были самыми сильными и храбрыми изъ шайки рониновъ и ѣхали верхомъ на выюнныхъ лошадяхъ; остальные же шли пѣшкомъ слѣдомъ за ними.

Какъ только они подошли ближе, Кадзума, сгорая отъ нетерпѣнія, выступилъ смѣло впередъ и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Здѣсь стою я, Кадзума, сынъ того Юкіе, котораго вы, Матагоро, измѣннически убили;—я рѣшилъ отомстить за смерть своего отца. Выходите-же впередъ, сразимся и посмотримъ, кто изъ насъ правъ.

И прежде чѣмъ ронины оправились съ изумленія, Матамонъ сказалъ:

— Я, Араке Матамонъ, зять Юкіе, пришелъ сюда для того, чтобы помочь Кадзумѣ. Кто бы изъ насъ ни побѣдилъ, но вы должны сражаться.

Когда 36 человекъ услышали имя Матамона, то страшно перепугались; но Сакураи Дзюдзаемонъ далъ имъ знакъ быть на своихъ мѣстахъ и спрыгнулъ съ лошади; въ этотъ самый мигъ Матамонъ, бросившись впередъ съ обнаженнымъ мечемъ, разсѣкъ имъ противника отъ плеча до сердца, такъ что врагъ упалъ мертвымъ. Сакураи Дзинсуке, видя, что его братъ убить на его глазахъ, пришелъ въ ярость и пустилъ изъ лука стрѣлу въ Матамона, который ловко на лету расколodъ ее кинжаломъ на двое. Дзинсуке, изумленный этой ловкостью, бросилъ лукъ прочь и напалъ на Матамона, который съ мечемъ въ правой рукѣ и кинжаломъ въ лѣвой сражался

отчаянно. Другіе ронины поспѣшили на помощь Дзинеуке, а Кадаума, занятый борьбой съ Матагоро, былъ разлученъ съ Матамономъ; двое слугъ Матамона, Будзуке и Магохаци, слѣдуя указаніямъ своего господина, убили пять рониновъ, нападавшихъ на Кадзуму, но за то и сами были тяжело изранены. Тѣмъ временемъ Матамонъ убилъ семерыхъ рониновъ; чѣмъ сильнѣе на него наступали, тѣмъ храбрѣе онъ бился; вскорѣ онъ смялъ и умертвилъ еще трехъ, такъ что остальные не смѣли приблизиться къ нему. Въ это время къ мѣсту сраженія явился нѣкто Кано Тодзамонъ, приближенный владѣтеля замка, старый другъ Матамона, который, услышавъ, что въ этотъ день Матамонъ готовится отомстить за смерть тестя, схватилъ свое копьё и поспѣшилъ на помощь къ своему старому пріятелю, выразивъ въ слѣдующихъ словахъ желаніе быть его помощникомъ:

— Господинъ Матамонъ, услыша объ опасности, въ которой вы сейчасъ находитесь, смѣю предложить себя вамъ въ помощники.

Матамонъ, услыша это, очень обрадовался и сталъ биться съ обновленной энергіей.

Въ это время одинъ изъ рониновъ, по имени Такеноуцц Гентонъ, человекъ очень храбрый, оставивъ своихъ товарищей драться съ Матамономъ, подоспѣлъ на выручку къ Матагоро, который былъ ожесточенно тѣснимъ Кадзумой, Бусуке же, желая воспрепятствовать этому, палъ покрытый ранами. Его товарищъ, Магохаци, увидѣвъ, какъ онъ упалъ, былъ крайне озабоченъ, при мысли, какое онъ дастъ извиненіе Матамону, если бы приключился какой вредъ съ Кадзумой. И вотъ онъ, несмотря на то, что самъ былъ раненъ и изувѣченъ, напалъ на Такеноуцц Гентона. Въ это время человекъ, пришедшій изъ замка и предложившій себя въ помощники Матамону, воскликнулъ:

— Взгляните туда, господинъ Матамонъ, вашъ товарищъ, сражающійся съ Гентономъ, въ большой опасности. Ступайте же и помогите господину Кадзумѣ, а съ другими расправляюсь я.

— Благодарю васъ, да, я иду туда.

И вотъ Матамонъ отправился помогать Кадзумѣ, а его помощникъ и пѣхота удерживали рониновъ, уже почти неспособныхъ отъ крайняго утомленія на дальнѣйшія усилія. Кадзума же тѣмъ временемъ все еще сражался съ Матагоро и исходъ борьбы былъ сомнителенъ. Такеноуцц Гентонъ, намѣревавшійся помочь Матагоро, не подпускался къ тому Магохаци, который, слабѣя отъ ранъ и ослабляемый кровью, струившейся на

его глаза изъ порѣза на лбу, счелъ себя погибшимъ, но тутъ Матамонъ подоспѣлъ къ нему съ ободрительнымъ зовомъ:

— Смѣлѣй, Магохаци! Это я, Матамонъ, пришелъ замѣнить васъ. Вы тяжело ранены, отойдите въ сторону и отдохните.

Магохаци, силы котораго поддерживались до сихъ поръ опасеніями за Кадзуму, теперь зашатался и упалъ въ обморокъ отъ потери крови. Матамонъ быстро справился съ Гентономъ и убилъ его, но и послѣ этого, не смотря на двѣ свои раны, онъ не былъ еще совершенно истощенъ; напротивъ,—приблизился къ Кадзумѣ и сказалъ:

— Мужайтесь, Кадзума! Ронины всѣ убиты,—остался одинъ только Матагоро, убійца вашего отца. Нападайте на него смѣлѣе и побѣда за вами.

У юноши, ободреннаго этими словами, силы увеличились вдвое; Матагоро же потерялъ мужество и вскорѣ упалъ. Такимъ образомъ месть Кадзумы была осуществлена и желаніе его сердца исполнено. Два вѣрныхъ слуги Матамона, умершіе за свою преданность, были погребены съ большой пышностью, голова же Матагоро была отвесена Кадзумой и набожно возложена имъ на могилѣ отца.

На этомъ и заканчивается рассказъ объ отмщеніи Кадзумы.

Хатамото¹⁾ или подзнаменные—это были люди, которые, какъ показываетъ само названіе, собирались подъ знамя сіюгуна, или тайкуна въ военное время; ихъ было около 80,000. Когда Іеясу покинулъ провинцію Микава и сдѣлался сіюгуномъ, то приближенные, которымъ онъ даровалъ дворянство, получали отъ него во владѣніе земли, приносившія имъ отъ 100 — 10,000 коку риса и получили названіе «хатамото». Хатамото должны были доставлять извѣстное количество солдатъ на случай войны, пропорціонально своему доходу: за каждую получаемую ими тысячу коку риса они должны были давать 5 человекъ. Тѣ хатамото, которые имѣли меньше 1000 коку риса дохода, давали деньги. Въ мирное время большинство высшихъ должностей въ правительствѣ тайкуна занимали хатамото, высшія же государственныя мѣста занимались фудайми или могущественными даймио, вассалами сіюгуна. Въ 60-хъ годахъ XIX ст. въ подражаніе иностранцамъ была основана постоянная армія и тогда хатамото должны были участвовать въ военныхъ повинностяхъ деньгами, или людьми безразлично, было-ли то военное или мирное время.

¹⁾ Слово хатамото значитъ «подъ знаменемъ».